

ЖЕСТОКИЕ ЗЕМЛИ

ИСПОРЧЕННЫЕ
СКАЗАНИЯ

В ШАГЕ ОТ РУБЕЖА

Ксен
КРАС

Жестокие земли

Ксен Крас

**Испорченные сказания.
Том 3. В шаге от рубежа**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крас К.

Испорченные сказания. Том 3. В шаге от рубежа / К. Крас —
«Эксмо», 2022 — (Жестокие земли)

ISBN 978-5-04-173281-3

Наследие Первых крепнет, но это не сплотило королевство. Одни используют дар, другие его отрицают, желая видеть мир таким же, как прежде. Жизнь обесценена в этом закрутившемся вихре, а знать продолжает свои игры, гася одни конфликты и разжигая другие. Главарь культистов готов к ритуалу. Его последователи, оставленные без надзора, находят союзников среди людей короля и решаются на отчаянный шаг. Недоверие, подозрения, обиды и самоуверенность скрывают истину. Отступить некуда. Люди обоих материков застыли в шаге от рубежа. Продолжение темного фэнтези-цикла: интриги, древние тайны, магия и народные восстания. Борьба за власть всегда была одинаково кровавой, но российские авторы еще никогда не описывали ее так увлекательно. О людях, магии и тьме. Третий том.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173281-3

© Крас К., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Посвящение и благодарность	6
Памятка	7
Райан	14
Верд	23
Арло	30
Раял	39
Тордж	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ксен Крас

Испорченные сказания.

Том 3. В шаге от рубежа

© Крас К., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящение и благодарность

Посвящаю этот том семье и друзьям, которые всегда меня поддерживают и подталкивают, когда я хочу сдать. Легко что-то начать, но очень сложно продолжать и заканчивать, сохраняя тот же настрой и не опуская руки.

Хочу выразить благодарность всем читателям и блогерам, которые оставляли отзывы, выражали своё мнение, упоминали меня и мои книги, рассказывали о цикле. Без вашей поддержки третий том ждал бы своего часа ещё очень долго.

Благодарю также художников, которые приложили руку к созданию этой книги:

Дарью Наумову – создателя карты;

Анну Рабану – создателя буквиц;

Анастасию Помян – создателя дополнительных иллюстраций.

Памятка (основные действующие лица)

Аалия Старская – дочь Мертора, сестра Райана, Ласса и Клейса, мать Аурана, бывшая королева, супруга Гийера Старская. На данный момент мертва. Её имя часто звучит во время получения каких-либо сведений об Ордене Тринадцати.

Аквуен Смелый – пожилой рыцарь Серого Братства, хороший друг и в некотором смысле наставник Клейса Фореста, один из охраны регента.

Амадинллин – жительница Новых Земель, прославленная воительница, Отмеченная духами, парламентёр между дикарями и жителями Дэйбрейка. Большую часть времени проводит в путешествиях и выполнении важных поручений. Отправилась в неизведанный Ферстленд вместе с отрядом и несколькими приятелями из коренных жителей её земель, чтобы вернуть похищенного Венса.

Амфи и Оафи – пара водоземов, синеккожих человекоподобных существ, обитающих в Новых Землях. Они стали хорошими друзьями Рирза, а Амфи испытывает к бастарду особую привязанность. В данный момент проживают в озере близ Фридомхелла.

Арло Флейм – писарь из Новых Земель, ранее проживавший в Дэйбрейке, мужчина средних лет, попавшийся в лапы Культа Первых.

Арло Форест – младший брат Мертора Фореста, старше Райана всего на несколько лет. Дядя Райана, Ласса, Клейса, однако дядюшкой его называет всё семейство. Отец нескольких дочерей и единственного сына, Ховвила.

Арелл Бладсворд – ныне покойный бывший правитель Династии Бладсворд, отец Брейва и Эрин, старший брат Мортонна.

Аурон Старский – настоящий наследник Гийера Старская, спрятан от посторонних глаз у Вилстронгов. Знает, что он настоящий наследник, что на троне сидит подмена, совсем не помнит мать и родной замок, так как был увезён оттуда в раннем возрасте.

Аурон Старский-из-Санфелла – принц-подменыш, считающий себя настоящим наследником. Находится в Санфелле, обучается править.

Боуэн Хайтхорс – один из вассалов Форестов, лучший друг и советник Райана Фореста, выполняет за него всю работу и почти безвылазно находится в Гринтри.

Брейв Бладсворд – сын и наследник Арелла Бладсворда, брат Эрин. Более десяти лет назад лишился жены, в чём до сих пор себя обвиняет. Имеет взрослую дочь Эризу Редглас и сына-бастарда Эуана, который не знает о своём происхождении. После предательства вернувшейся сестры, приведшего к смерти очередного наследника и молодой супруги, решил, что проклят, и отправился в изгнание, выбрав для этого путешествие за пределы изученных земель. О его местонахождении ничего не известно.

Винсент Виллингпэриш – наследник и нынешний правитель Ветви Виллингпэриш, к началу третьего тома находится в плену у Культа Первых. Приятель Арло Флейма.

Велес Лоудбелл – наследник рода, мечтал стать рыцарем, ради исполнения мечты убил собственного отца Отто Лоудбелла, бывшего рыцаря. После убийства сбежал из родного замка и вернулся к наставнику, сиру Саттону Настойчивому, который и внушил ему мысли об убийстве. Был отдан Культю Первых и лекарям-экспериментаторам.

Велес, Вилла и Венс – тройняшки, родственники Вихта Вайткроу, ныне проживающие в Новых Землях. Дети лорда Тхага Вайткроу и Таллимии, дикарки, принявшей все традиции и обряды захватчиков. Рождены в законном браке и воспитаны в замке, сочетают привычки

Ферстленда и обычаи Новых Земель. Тяжело переживают расставание, никогда по своей воле не разлучались более чем на несколько часов.

Верд Флейм – наследник Дарона Флейма, должен занять его место, чему активно препятствует его дядя, Зейир Флейм. Мало понимает в военном деле, однако несколько битв под его командованием, скорее по чистой случайности, были успешными. Во время одной из схваток бежал, был пленён Глейгримами, и пока находился в плену, узнал противников ближе. Яро защищает своё право наследовать трон Великой Династии, хотя и не понимает, что с ним делать. Является обладателем дара управления огнём, который проснулся ещё в детстве, однако большую часть жизни был вынужден скрывать способности.

Вихт Вайткроу – правитель Великой Династии, брат Леоны, друг Рирза. Отправился в Новые Земли, чтобы повидаться с тётёй Либби, помочь ей и заодно посмотреть новые территории, попал в плен к дикарям, откуда его вытащил бастард Рогора. Сумел вернуться и благодаря другу вернуть невесту и сыграть свадьбу. Считает Рирза частью семьи, вместе с ним захватил Фиендхолл, хотя не желал воевать. Обладает даром, который уже успел испытать, однако продолжает сомневаться в своих талантах.

Гартон Глейгрим – жена правителя Раяла Глейгрима, проживает в Этернитифелле.

Генлли – один из Культа Первых, искал желающих примкнуть к культистам в Новых Землях и лордов, которых можно было бы выкрасть. Был отловлен Амадинллин и приведён в Дэйбрейк, откуда сбежал. Помогает брату Роулу.

Гилар Форест – жена регента Клейса Фореста, любовных отношений с мужем не имеет. В данный момент отправлена в отдалённый замок, подальше от столицы, вместе с бастардами Клейса Фореста и его любовницей.

Грогар – бастард Эрин Бладсворд, рождённый в браке матери и бродячего музыканта. Воспитан улицей, не обладает никакими знаниями, необходимыми для лорда, после изгнания Эрин был отправлен обучаться на юг.

Даффа Старскай – сестра Гийера Старская, душевнобольная, многие годы находилась на лечении на Острове Фейт.

Дариа Флейм – дочь Зейира Флейма, жена Хагсона Глейгрима, с унижения которой и началась война соседей.

Дарон Флейм – умерший правитель, отец Верда Флейма и брат Зейира Флейма. Единственный человек, который кое-как старался объединять семью.

Дейяра Глейгрим – мать Раяла и Хагсона. Пока сын на войне, помогает содержать в порядке Этернитифелл и земли.

Зейир Флейм – брат Дарона Флейма, дядя Верда, Фейлна и Марлы. Испытывает неприязнь к родне и ненависть к Слипингвишам, наследника которых жестоко убил. Считает себя достойным занять место правителя вместо брата, которого сам же и сжёг. Является обладателем дара, благодаря которому готов расправляться со всеми врагами и несогласными.

Сир Зэуран Независимый – бывший рыцарь Серого Ордена, отправленный во время болезни Гийера Старская на Остров Фейт для лечения. Считает своим священным долгом помочь наказать обидчиков короля, похитил вместе с Тобом Даффу Старскай из Пристанища, чтобы вернуть домой.

Кайрус – королевский потомственный палач, исполнительный и преданный не только принцу, но и регенту, так как считает Фореста мудрым. За свою верность лишился младшего сына Рисса, когда пошёл против Культа Первых, однако это не остановило его и он продолжает выполнять то, что должен.

Кейдс Форест – супруга Райана Фореста, мать Фейг Вайткроу. Сестра Брейва и Эрин Бладсворд. Очень переживает за обе семьи – и ту, в которой была рождена, и ту, частью которой стала после замужества. Не теряла надежды родить детей кроме Фейг и после долгих лет сумела произвести на свет здорового сына Мертора, подарив роду Форест прямого наследника.

Клейс Форест – регент при юном принце, младший сын Мертора Фореста, добрый друг и главный сторонник усопшего Гийера Старская. Формально управляет Ферстлендом и делает всё, чтобы вернуть в него покой и затем посадить на трон настоящего принца.

Крэйд Блэкбоу – дядя Верда, Фейлна и Марлы, младший брат Дарона и Зейира, сын отца и второй жены. Стал супругом леди Ильмы Блэкбоу и продолжает её Ветвь. Почти не бывает в землях своего рода, боится Зейира и предпочитает не вмешиваться в конфликты родственников. Во всём слушает супругу.

Лайтор – моряк, капитан корабля, помогал Вихту и Рирзу вернуться из Новых Земель на юг, а после – добраться до севера.

Ланиас – рыцарь из Серого Ордена, некогда служил Вайткроу, а после того, как у него сложились любовные отношения с леди Либби, отправился за ней в Новые Земли. После гибели возлюбленной преданно служит её племяннику, вернулся вместе с ним в Ферстленд и участвовал в завоевании Фиендхолла.

Ласс Флейм – наследник и единственный сын Зейира Флейма. После войны отца со Слипингвишами был отдан в качестве заложника лорду Утосу Слипингвишу, прожил в землях западного лорда более половины жизни. Не испытывает тяги возвращаться домой, выбрал себе невесту из дочерей лорда Утоса и был готов жениться. Когда отец явился в его новый дом, принял сторону Слипингвишей и помог сбежать оставшимся в живых.

Ласс Форест – средний сын Мертора Фореста, брат Клейса и Райана. Всегда выступает в качестве советника и примиряющего двух братьев человека, поддерживает постоянную связь и с младшим, и со старшим.

Леон – рыцарь, лучший друг и преданный соратник Отто Тихого Лоудбелла. Оставил Санфелл и прибыл жить в Ворнингбелл для того, чтобы помогать другу и его супруге. Выступал в качестве наставника Велеса, обучал его и сопровождал на турнир. После того как Велес пропал, занялся его поисками.

Леона Вайткроу – сестра Вихта Вайткроу, ещё не достигла возраста, когда леди выдают замуж. Талантливая красивая девочка, которую очень любят южане.

Либби Вайткроу – умершая в Новых Землях и сожжённая там же для недопущения распространения болезни тётя Вихта Вайткроу, младшая сестра его отца.

Лилан Флейм – мать Верда, Марлы и Фейлна. Глубоко верующая женщина, видящая в старшем сыне лишь хорошие качества и возможность спасения мира. Тяжело переживает гибель мужа и борьбу за власть сына и брата Дарона.

Марла Флейм – дочь Дарона Флейма, сестра Верда. Завела роман с воином, забеременела и, чтобы не быть наказанной матерью, предпочла вместе с любовником сбежать из дома. Во время войны была спрятана Фейлном. Родила сына и не планирует возвращаться домой, желая счастливой жизни вдали от матери и борьбы за власть.

Мортон Бладсворд – младший брат Арелла Бладсворда, дядя Эрин и Брейва. Мечтал стать рыцарем, провёл вдали от востока большую часть жизни, постоянно то возвращаясь домой, то вновь покидая дом и отправляясь в Санфелл. Приложил руку к избавлению от Эрин, не мешал Брейву отправиться в изгнание. Стал наместником Востока. Присоединялся к войне Флеймов и Глейгримов, позволял Культуре Первых творить свои дела и пользоваться портами Бладсвордов.

Нилс – бывший слуга и Магистр Шпионажа у Редглассов, простолюдин, который половину жизни был уверен, что лишь благодаря лорду Экрогу избежал гибели. После того как узнал правду, выкрал Рорри Дримленса, желая привести его в Санфелл, и посмел пойти против бывшего хозяина.

Огрор – сир, прошедший обряд посвящения в Новых Землях, где и проживает. Является метисом, отправился командующим отряда вместе с Амадинллин, к которой испытывает тёплые чувства.

Олира Лонгтейл – кузина Раяла Глейгрима, сестра Эттена Глейгрима. Не смогла остаться в стороне, когда разразилась война между Флеймами и Глейгримами, оставила детей и супруга на севере и отправилась на помощь семье. Пленила Верда Флейма. До сих пор остаётся в землях Глейгримов, не желая возвращаться обратно домой.

Райан Форест – правитель Династии, старший сын Мертора Фореста, брат Клейса и Ласса. Отец Фейг Форест, приятель убитого Рогора Холдбиста. Уважаемый народом мужчина, готовый на всё ради семьи, но при этом постоянно находящийся в конфликте с младшим братом, которого ревнует к его обязанностям. Повесил выполнение своих обязанностей правителя на Боуэна Хайтхорса, вассала и друга. Отправился возвращать Ховвила из Кнайфхелла, опасаясь расстроить супругу и дядю Арлю.

Раял Глейгрим – правитель Великой Династии Глейгрим. Является обладателем дара поднимать мертвецов, чем уже воспользовался, будучи преданным Бладсвордами у Кеирнхелла. Обладает даром с самого детства, но из-за переживаний родителей научился сдерживать себя, почти забыв о таланте. Прозван вассалами и народом новым Проклятым королём. Сумел мирно разрешить конфликт с наследником Флеймов, заведя с ним дружеские отношения.

Ренрог Холдбист – младший брат Рогора Холдбиста, дядя Рирза, Ротра, Робсона, Рисса и Рианы. В юности прослыл чрезмерно жестоким человеком, забивал людей до смерти, из-за чего вселял страх даже в старших братьев и отца. Отправился завоёвывать Новые Земли в лагерь Глейгримов и нашёл там себе новый дом, став полноценным правителем. Неохотно вернулся на север, когда его позвал брат, выполнил все необходимые для помощи манипуляции, однако привычек не оставил. Отправился на поиски Рогора Холдбиста, когда тот пропал.

Риана Холдбист – младшая дочь Рогора Холдбиста, сестра Ротра, Робсона, Рисса и Рирза. Должна была исполнить волю отца и, если повезёт, стать королевой Ферстленда.

Рирз – бастард Рогора Холдбиста, брат Ротра, которого сам же и убил, Рисса, к смерти которого также причастен, Робсона и Рианы. Был отправлен отцом в Новые Земли строить замок, но обрёл союзника в лице правителя Юга Вихта Вайткроу, вернулся в королевство, получил в дар замок на юге, вернул другу невесту, а после убедил того отправиться на север и захватил Фиендхолл. Страдает от потери памяти во время вспышек ярости, обладает даром Первых.

Рисс Холдбист – самый младший сын Рогора Холдбиста, убит Рирзом в раннем возрасте.

Рисс – сын Кайруса, королевской карающей длани, или, попросту, палача. Был похищен культистами с целью давления на его отца. Когда Кайрус решился на то, чтобы рассказать об угрозах регенту, мальчик был убит.

Робсон Холдбист – младший сын Рогора Холдбиста, брат Рирза, Ротра, Рисса и Рианы. Самый миролюбивый и мягкий из семейства, имеет больше женское воспитание, был всегда более привязан к матери. Хороший семьянин, верный муж, успел обзавестись наследником. Легко поддаётся на уговоры, в том числе согласился отправиться на войну, чтобы поддержать племянника матери, Раяла Глейгрима, бросив север без правителя.

Рогор Холдбист – бывший правитель Великой Династии Холдбист, отец Ротра, Робсона, Рианы, Рисса и Рирза, к последнему испытывает лишь неприязнь, переходящую в ненависть. Вёл Север и семью к процветанию, имел хорошие отношения с женой и приемлемые с законными детьми. Не ввязывался в войны, которые не могли ему ничего принести, надеялся стать отцом королевы, выдав дочь Риану за принца Аурана Старская. Убедил Райана Фореста отдать Ротру Фейг, расторгнув соглашение с Вайткроу. Чтобы получить выгодную невестку, избавился от предыдущей. До последнего сохранял достоинство и переживал за свой род. Пал жертвой неверных суждений Экрога Редгласса, общепризнан мёртвым, однако значится пропавшим.

Рорри Дримленс – наследник Великой Династии Дримленс, сын Тормера. После смерти родителей долгое время жил замкнуто в главном замке запада Профисайфелле, не получил никакого жизненного опыта. По дороге к королю был похищен Ниллсом по приказу Экрога Редгласса, некоторое время провёл в Миррорхолле, затем в Шинфорте, после чего был сначала вывезен Ниллсом, после – похищен странствующим рыцарем, а затем попал к Культуре Первых.

Роул – один из Культы Первых, глава небольшой группы. Жестокий человек, с радостью издевающийся над пленниками и обожающий всех строить. Поиском новобранцев-культистов занимается его брат Генлли.

Таллимия – дикарка из Новых Земель, дочь вождя, отправившаяся жить в замок и ставшая женой одного из завоевателей, Тхага Вайткроу. Мать тройняшек Виллы, Велеса и Венса. Подруга Амадинллин, умерла в достаточно молодом возрасте, убита коренными обитателями Новых Земель как предательница. Тройняшки утверждают, что Таллимия имела магические способности.

Тимая – одна из сторонниц Культы Первых, лично преданная Ивтаду. Ищет новых сторонников, была в руках палача Кайруса, откуда её, как было задумано регентом, спас Цом. Испытывает благодарность к юноше и желает переманить его на свою сторону.

Тоб – юноша из простого народа, родился в деревне в семье, где кроме него были лишь дочери. Ради родителей и самого себя отправился на обучение к лекарям в Цитадель, затем был отправлен на Остров Фейт, чтобы заботиться о душевнобольных. Исправно выполнял работу, пока не встретил Даффу Старской и Зэурана Независимого, убедившего его в необходимости сбежать. Надеясь получить обещанное золото, Цом согласился помочь. Крайне не рад тому, как складываются обстоятельства вокруг него.

Сир Тордж Проницательный – среднего возраста рыцарь из Серого Ордена, преданно служащий королю и регенту. Некогда был одним из наставников и помощников Клейса Фореста, вместе с ним избавлялся от семьи Лжеаурана, вывозил настоящего принца и сопровождал регента или короля во время встреч с наследником. Осведомлён обо всём, что происходит с Клейсом Форестом, является его ближайшим другом, готовым всегда поддержать или объяснить, в чём регент не прав. Имеет немало детей, которым старается помогать. Не покидает стен Синего города кроме как для военных походов и редких поручений.

Утто Грейвул – бывший моряк, ныне лорд Ветви. Некогда влюбился в воинственную леди Лиару Грейвул, ради которой согласился оставить свободу и отправиться в замок. Заботливый отец, готовый мстить за отпрысков, верный супруг, искренне борющийся за благо рода и готовый стремиться к совершенству. Обвинял Рогора в убийстве невестки, своей дочери, и как только Фиендхолл покинули все Холдбисты, решил захватить замок, чтобы отомстить. Южане во главе с Рирзом и Вихтом успели сделать это до него. Быстро понял, что враги его врага могут быть полезны, перешёл на их сторону, познакомился с бастардом Рогора и южным лордом, в которых увидел союзников по ненависти к Рогору.

Фейг Вайткроу – дочь Райана Фореста, любимая племянница Клейса Фореста, супруга Вихта Вайткроу, в данный момент ожидающая пополнения. Была отдана в жёны Ротру Холдбисту, которого возненавидела вместе с его отцом Рогором. На севере применила дар управлять животными, натравив их на лорда Холдбиста. Была похищена Вайткроу и Рирзом с рыцарского турнира, сбежала на юг, после чего, будучи вдовой, не имеющей детей, получила разрешение от отца и регента выйти замуж за южанина. Её дар продолжает усиливаться.

Фейлн Флейм – младший брат Верда Флейма, стеснительный и неуверенный в себе, должен был наследовать трон за отцом, пока Верд был в плену, но легко отдал власть в руки Зейира, так как не посмел идти против него. Отправлен братом в Этернитифелл, подальше от опасности.

Хагсон Глейгрим – младший брат Раяла Глейгрима, после поступка которого разгорелась война Глейгримов и Флеймов. Довольно успешно вёл войска, пока не был пленён в Кеирнхелле Зейиром Флеймом, а после отправлен в Файртаун к Дарону Флейму. После того, как Верд Флейм был объявлен пропавшим, Хагсона перевезли в укрепление подальше от Файрфорта доверенные лица Дарона, чтобы о его местоположении никто не прознал. До сих пор находится в плену.

Харг Редглас – старший сын и наследник Экрога Редгласа. Не терпит кровопролитий и жестокости. Был отправлен в Новые Земли.

Хельга Редглас – единственная дочь Экрога Редгласа, мечтает прославиться как боец, желает править родом, старшая из детей. Была отправлена в Новые Земли.

Ховвил Форест – кузен Райана, Ласса и Клейса, единственный сын Арло Фореста. Ответственный юноша, мечтающий прославиться как воин, вежливый и талантливый. Был отправлен на учёбу к Мортону Бладсворду в Кнайфхелл и заодно должен был следить за тем, как там идут дела в восточных землях. Пропал без вести, похищен Культом Первых.

Хэг Редглас – младший сын Экрога Редгласа, имеет проблемы с умственным здоровьем, отчаянно оберегается отцом и сестрой. Был отправлен в Новые Земли.

Цом – слуга в Санфелле, простолюдин, родом из деревни. На его поселение напали люди Ниллса, одетые в одежды с гербами Флеймов, чтобы отвести подозрения от Экрога. Получил увечья в виде многочисленных шрамов на теле, большого шрама на щеке и выбитых зубов. В числе прочих прибыл жаловаться королю и регенту, был оставлен Клейсом Форестом на службе в Санфелле в качестве слуги, за что испытывает огромную благодарность.

Шау Лоудбелл – глава Ветви Лоудбелл, вышедшая замуж за сира Отто Тихого и добившаяся, чтобы тому даровали свободу от рыцарства и титул. Мать Велеса и Сэйры Лоудбелл. Жила счастливой жизнью, преданно служа Дримленсам и не задумываясь о том, что не касалось её семьи и земель. Тяжело переживала желание горячо любимого сына стать рыцарем. Когда Велес вернулся и убил Отто, Шау отказывалась верить в причастность сына к преступлению. Видела его глазами и словно побывала в его теле, когда юнца пытал один из лекарей, примкнувших к Культуре Первых; убедилась, что сын жив и в его исчезновении виноват сир Саттон Настойчивый из Серого Ордена. Неотступно ищет наследника, не слушая советников.

Эббиана Холдбист – супруга Рогора Холдбиста, мать Ротра, Робсона, Рисса и Рианы, хорошо относилась и к бастарду мужа, Рирзу. Тяжело переживала смерть сыновей, несмотря на то что проводила мало времени со старшим, которого готовили на роль правителя. Понимая, что дочь тоже покинет её, отдавала всю любовь Робсону. Переживает за Глейгримов, из рода которых произошла, плохо перенесла смерть Джура. Всем, чем могла, даже за спиной мужа,

помогала племяннику Раялу Глейгриму, а после пропажи Рогора убедила сына вмешаться в войну.

Экрог Редглас – правитель Великой Династии Редглас, затеявший войну Глейгримов и Флеймов. Похитил Рорри Дримленса ради собственной выгоды. Считал себя непревзойдённым хитрецом, однако совершил ряд ошибок, из-за чего лишился верного слуги, упустил пленника Дримленса и потерял ценного союзника – Рогора Холдбиста.

Эриза Редглас – единственная законнорождённая дочь Брейва Бладсворда, новая жена Экрога Редгласа. Воспитана быть примерной женой, неплохо ладит с отпрысками мужа. К супругу испытывает самые тёплые чувства и считает себя счастливой женщиной, готовится стать матерью.

Эрин Бладсворд – сестра Брейва Бладсворда и Кейдс Форест, мать Грогара. Сбежала из дома, чтобы стать лекарем, но, когда жизнь стала слишком тяжёлой и она лишилась покровителей, решила вернуться в Кнайфхелл вместе с сыном, где неудачно пыталась избавиться от Лилор Бладсворд, новой жены брата. Была обвинена Мртоном Бладсвордом в убийстве, изгнана с востока, и уже за пределами его земель попала в руки к Культуре Первых.

Райан

Поиски продолжались уже не первый день. Нервное напряжение ни на минуту не оставляло отряд. Оно сквозило отовсюду.

Каждый, будь он воином, рыцарем, лордом, да хоть бы и лошадь, чувствовал его, усиливал и выплёскивал в массы. Всякий лишний треск веток заставлял людей непроизвольно дёргаться, кони без конца фыркали и артачились перед узкой переправой или особо густым участком леса. Внезапные вскрики птиц нарушали тишину и будоражили отряд, а каждый новый час пути словно высасывал силы.

Лорд Мортон Бладсворд поступил по совести, благо её остатки до сих пор сохранялись в недорыцаре. Наместник восточных владений сопровождал Райана всё это время, и если поначалу он не прекращал просить прощения, то спустя некоторое время принял позицию несправедливо обвинённого, а то и вовсе жертвы.

– Я говорил ему не покидать пределов замка, но он пробрался в город вопреки моему запрету. Он потому и угодил в неприятности, поскольку вы, его родители и опекуны, те, кто должен его воспитывать, не внушили мальчишке, что взрослых надо слушать, – ворчал наместник Кнайфхелла. Он, верно, ещё не отвык от продолжительных поездок в седле, так как в отличие от Райана ни разу не пожаловался на боль в спине и тем более ниже её.

Мортон держался не хуже, а может, и лучше рыцарей Фореста, и умудрялся выглядеть статным героем на протяжении всего похода. Усталость не склоняла его к седлу под конец дня, его руки не уставали держать поводья, ноги гнулись, когда он оказывался на земле, и никакие ветра и влажность в лесу не могли испортить закалённому мужчине аппетита. Почему же тогда у этого человека может быть столь отвратительное настроение, Райан не понимал.

– Ховвил – совсем мальчишка, глупый ребёнок. В таком возрасте за детьми надо присматривать в оба глаза, – рыкнул Форест.

– Если он не способен думать о последствиях, то и не надо было отправлять его на обучение. Я ничего не имею против детей, но Ховвил – юноша, и я надеялся, что это оградит меня от глупостей. Я верил, что к его годам лорды способны думать о последствиях своих действий. В конце концов, ваш дядя должен был изначально вбить в голову юнца правила поведения, а потом уже...

– Довольно! – Райан грубо перебил Мортон на полуслове. Рыцарь прикрыл рот и вытаращил налитые злостью глаза. – Ховвил – ребёнок. Что бы вы ни говорили, и какого бы роста он ни вымахал. Мы отправляли в Кнайфхелл детей, и, пока на месте сидел законный правитель, всё было хорошо. Ни один из моих родственников не пропадал, тем более не попадал в руки Культа Первых!

– Я законный правитель! – громко воскликнул Бладсворд. Он, казалось, и сам не ожидал от себя подобной горячности и не покраснел, когда привлёк всеобщее внимание только потому, что уже давно забыл, как это делается. Впрочем, дальше он продолжил всё в той же манере, то и дело срывая голос, но уже стараясь говорить тише. – Я не узурпировал власть, милорд Форест! Я знаю, что про меня говорят, наслышан. Перешёптывания постоянно окружали меня, с того самого дня, как я решил отправиться в Санфелл, а может, и ещё раньше – не помню. Я готов повторять вам это столько раз, сколько потребуется – я имею права на трон. Власть досталась мне, как и положено, по праву рождения. Брейв сам... сам!.. отказался от трона, – да и кому нужен правитель, который бросает свой народ и позорно сбегает? Да ещё и в столь сложное для всех время? Время, когда мы воюем, да и этот Культ не даёт покоя?

– Ай, Мортон, прекращайте своё представление. – Райан дернул рукой, словно пытался отмахнуться от спутника, как от навязчивой мухи. Вокруг него летала мошкара, она то и дело садилась на бороду и путалась в жёстких и густых волосах, но тратить силы на то, чтобы её

прогнать, мужчина не собирался. Как и на пустые разговоры с недорыцарем. – Вы сами ввязались в войну, милорд Брейв бы этого не допустил. Может, вы и заняли своё место по закону, но не по совести – уверен, что вы ничем не помогли племяннику, когда эта помощь была ему нужна. Не поддержали его. Вы радовались, что остаётесь единственным правителем Востока. Если бы я не знал от Клейса, что Брейв добрался до Санфелла и потолковал с ним, то подумал бы, что он пропал так же, как и Ховвил.

– Вы что, обвиняете меня в чём-то?! По-вашему, я что, должен был запереть Брейва или уговаривать его не уходить? Я должен был заставлять его сидеть на троне, если ему это не нужно? Привязать руки к подлокотникам, надеть на ноги кандалы, насильно кормить и стоять рядом, уговаривая подписать очередной указ или принять просителей?

– Да! – Лошадь под Райаном всхрапнула, и мужчина, извиняясь, погладил её здоровенной рукой по шее. – Да, именно так! Вы должны были сделать всё, чтобы остановить племянника. Он правитель, и его надо сохранять всеми силами. Пусть и пришлось бы привязать на пару циклов к трону. Брейв бы унялся и снова занялся делами.

– Он взрослый и самостоятельный человек, а я – не нянька.

Лорд Бладсворд принял оскорблённый вид. Форест понимал, что разбирается в интригах и выражениях лиц хуже, чем любой из лордов Ферстленда, Клейс постоянно вменял ему это в вину. Брат неустанно твердил, что такой, как Райан, выживет в столице только потому, что не додумается не вовремя оскорбиться и не влезет ни в какой, даже заранее беспроегрышный заговор, так как не поймёт, что для этого сделать. Старший сын Мертора догадывался, что нынешний регент подобным образом называл родственника болваном, сердился и не забывал отвечать на колкости.

По молодости он частенько, даже уже будучи женатым мужчиной, отвечивал брату подзатыльники в ответ и лишь много позже научился отвечать в основном словами.

В последние годы вмешательства Ласса перестали быть жизненно необходимыми. Райан принял некоторые особенности избравшего опасный путь младшего брата, а тот, в свою очередь, научился терпимости и перестал открыто сомневаться в правителе. Возможно, сейчас Клейс бы похвалил проницательность Райана, понимающего, что Бладсворд лишь притворяется – настолько плоха была игра недорыцаря.

– Да признайтесь уже, что вы желали его отъезда. Вы, верно, и вещи ему помогли собрать. – Райан, всегда весёлый и добродушный, сидел в седле сгорбив спину и выглядел мрачнее тучи.

– Я не желал такого исхода. Я насколько мог помогал племяннику и пытался его переубедить, но, когда Брейв решил бросить свой народ из-за глупых девок, я понял, что куда достойнее его. Я осознал, что именно я должен править. Иолос не был выдающимся воином, он даже не пытался развивать свои способности, хотя природа и Боги наградили его сверх меры. Мой брат мог бы многого добиться, я знал его лучше всех и потому был опечален. Иолос не стал достойным правителем, родитель и воспитатель из него также вышел посредственный. Исправлять его ошибки я не мог, да и, признаюсь, не испытывал ни малейшего желания это делать. Но я всегда радел за свой народ и потому принял правление в свои руки, пока моё место не займёт более достойный. Если таковой найдётся... – Лорд Мортон и до того сидел на лошади прямо, а сейчас вдобавок поспешно расправил плечи и поднял голову. Райан даже заметил, как наместник втянул живот, чтобы выглядеть ещё более торжественно. – Я делал всё, чтобы мой народ процветал...

– Процветал?! Да вы единственный, кто не стал бороться с заразой нашего королевства. Единственный! Только вы позволили культистам расхаживать здесь как у себя дома, только вы... – Чувствуя приближающуюся волну гнева, Райан поскакал вперёд, чтобы не видеть перед собой Мортон. Форест хотел бы понять его, хотел оправдать некоторые поступки, но не мог. Но менее всего он сейчас должен был поддаваться чувствам, в некоторых вопросах мнение

Клейса оказалось верным – головой решать правильно, куда правильнее, чем сердцем. Лучше бы решать и тем, и другим, но лишь когда эмоции поулягутся.

Правитель Форест всегда славился добрым нравом и гордился этим. Он любил свой народ, считал всех без исключения лордов, в том числе и самых мелких, только недавно получивших титул, частью своей большой и дружной семьи. Лорд Мертор, отец Райана, учил своего отпрыска, как править по совести. Бывший глава рода не уставал повторять, что подданные важны не меньше, чем собственные дети, и всегда должны выполнять свою работу с удовольствием. Простолюдины обязаны понимать, что являются незаменимой частью общества, тогда работа их будет качественной и выполненной в сроки, только тогда они действительно станут стараться на благо знати, только тогда будут чувствовать себя под защитой и смогут верить в справедливость наказания за неповиновение.

Форестам принадлежали не самые обширные владения, у них не имелось выхода к морю, а большую часть земель составляли поля и леса. В отличие от территорий, подвластных иным Династиям, на землях рода Райана не существовало строгого деления на большие и маленькие города, все основные поселения возводились равномерно и никак не выделялись среди других размерами. Вокруг них располагались небольшие деревни. Даже Гринтри, что являлся столицей, по мнению всех гостей, мало отличался от других городов. Стены главного укрепления, те каменные сооружения, которые обычно возводились, чтобы защитить в первую очередь замок с проживающей в нём знатью и лишь затем город, опоясывали Гринтаун в несколько ярусов. Так, чтобы враг не сумел добраться до простого люда и жизням и имуществу горожан ничто не угрожало. Между городом же и замком возвели невысокую и по сравнению с главными фортификационными сооружениями невзрачную стену лишь пару сотен лет назад. Трое главных ворот, украшенных гербами Форестов на решётках, открывали доступ к центральному входу, во внутренний двор и к казармам.

Новая часть замка включала в себя мало строений, однако буйство красок в раскинувшихся между ними садах поражало воображение. По обвитым лианами многочисленным мостикам, когда-то подъёмным, но ныне с уже поржавевшими механизмами, а местами и со снятыми цепями, можно было попасть из части, отстроенной всего сотни три лет назад, в старую, уже не использующуюся, но ещё вполне крепкую.

Поддерживаемое в хорошем состоянии наследие дальних предков Райана имело исполинские размеры – высокие ступени, по которым даже нынешнему правителю-здоровяку было некомфортно подниматься, высоченные потолки, на фоне которых человек терялся, просторные залы, где каминные были сделаны не только в двух стенах, но и посередине, массивные колонны, грубо высеченные скульптуры, передвинуть которые едва ли хватило бы сил и полудюжине крепких мужчин, покои, в которых можно было запросто уместить многочисленную семью так, чтобы никто никому не мешал... Старая часть, если верить древним записям и картинам, располагалась вокруг новой, и когда-то, многие столетия назад, на месте нынешнего обжитого замка были сад с мостками и небольшая одинокая башенка в шесть-семь человеческих ростов. Никто так и не смог понять истинного предназначения постройки, а к тому времени, как лорд Арло Форест, прозванный Строителем, почти четыре сотни лет назад решил возвести для себя и своего семейства новый, более подходящий для жизни замок, башню уже успели разрушить.

Во многих летописях Арло описывали как человека невысокого, но отрастившего к среднему возрасту такую огромную бороду, что та волочилась за ним по полу, попадая правителю под ноги. Огромные ступеньки стали для Строителя настоящим испытанием, каждый день он с трудом вскарабкивался по ним, а его миниатюрная жена страдала ещё больше. Когда она была в положении, то и вовсе отказывалась покидать свой этаж и гуляла только на балкончиках, издали любясь красотами Гринтауна.

После завершения перестройки та часть, что предназначалась для настоящих гигантов, не использовалась почти век, и чаще всего в ней селились звери, привезённые Форестами со всех концов королевства, вили гнёзда птицы и искали приключений на свою пятую точку юные отпрыски правителей со своими приятелями.

Постепенно без надлежащего ухода многое начало приходить в негодность, а старый деревянный трон, столь большой, что в своё время Райан вместе с Кейдс могли сесть на него вдвоём, а посередине посадить Фейг, чудом сохранившийся в приличном виде на долгие годы, был безнадёжно испорчен зверьём, шалостями детей и обвалившимися кусками потолка. После того, как спустя несколько поколений к власти пришёл лорд Райан Отец Форест, или, как его ещё прозвали, Райан Семейный, в честь которого и получил имя нынешний глава Династии, всё, что было возможно спасти, начали оберегать.

Райан-отец решил отвести просторные помещения под праздники, а пустующие покои на нижних этажах отдал слугам, стражникам и рыцарям. Во время мелких войн с соседями, эпидемий, которые заносили то с севера, то с востока, или при иных проблемах он охотно принимал в стенах замка подданных. Семейный лорд любил общаться с народом, охотно звал всех на пиры, где рядом с ним неизменно сидели его супруга и пара-тройка, а порой и все восемь, их здоровых детей. Летописи сохранили памятки о том, что на самом деле бесподобная и сильная духом и телом леди Форест рожала прославленному супругу четырнадцать раз, но трое родились мёртвыми, а выжить удалось лишь восьмерым. Правитель того времени каждый раз всерьёз печалился из-за смерти отпрысков, он всегда мечтал о большой семье, так как все его немногочисленные братья и сёстры рано оставили этот мир.

Сам Райан-отец умер в тридцать четыре года, пережив супругу всего на трое суток, доверху наполненных муками и страданием. Боги забрали его одновременно с четырьмя отпрысками – всех их отравили. Великодушием и гостеприимством лорда воспользовались недруги, прямо во время пира подсыпав отраву. Всех детей, кроме двенадцатилетнего Крэйда, смогли найти и убить, но последний отпрыск надёжно укрылся в густом лесу. Верные подданные Форестов сами разорвали отравителей на куски, когда застали их у тел детей Райана Семейного, а затем бросили все силы на поиски единственного оставшегося в живых наследника. В писаниях, которые заставлял читать Мертор Форест своего сына, говорилось, что Крэйда защищал весь народ Форестов, а когда тот прошёл необходимые церемонии, женился и стал полноправным правителем, на землях Династии закатали пир. Тот по праву долгое время считался самым массовым – даже дальняя окраина близ границ с Редглассами и Бладсвордами в течение целого цикла праздновала восстановление справедливости и восхождение законного правителя.

Райану часто напоминали, в честь кого ему дали имя, и поясняли, что именно такого правителя заслуживает народ. Старшему из детей Мертора вещали, что в первую очередь он должен быть заботливым и мудрым, не рубить сгоряча и всегда сначала думать и лишь потом делать.

Лорд Мертор даже, чтобы научить сына, что такое забота, приставил к нему двух больных юношей – один из них пострадал во время обучения в качестве оруженосца и более не мог ходить, а родители второго рассердили Бога мучений и тот забрал почти весь разум ребёнка, оставив возможность сравниться разве что с пятилетним.

На тот момент у юного Райана только что родился младший брат, и доверенные ему дети оказали на него сильное воздействие. Он бегал и спрашивал о самочувствии Клейса каждый день с интервалом в несколько часов, утомляя слуг и родителей. Когда же младший из Форестов простыл, Райан не мог найти себе места от беспокойства и по ночам его терзали кошмары. Наследник представлял, что будет, если его родственник так и не сумеет оправиться после тяжёлого заболевания. Сейчас же, стоило Лассу напомнить о тех переживаниях старшего из братьев, правитель начинал отмахиваться и убеждать, что ничего такого не было.

Мать нынешнего хозяина Гринтри не поддерживала позицию Мертора полностью, но просила сына в самом деле в первую очередь думать. Она поясняла свою точку зрения, неоднократно упоминая огромную силу Райана, способную навредить тем, кто зависит от наследника. Леди раз за разом повторяла, что после того, как ярость или страх отступят, последствия может не получиться исправить.

Через год заботы о больных они, благодаря леди Форест, покинули Райана. Женщина утверждала, что юноши вернулись по домам, однако, куда они пропали на самом деле, она так никому и не поведала. Клейс во время нескольких ссор десятилетней давности заявлял, что леди Форест умертвила нездоровых людей, чтобы избавить наследника от проблем.

Пропажа Ховвила и особенно поведение Мортон вывели Райана из себя, и он позабыл все родительские заветы. В какой-то момент он уже был готов убить Бладсворда – сломать мерзавцу шею, оторвать голову или разбить его кривляющееся лицо о каменные плиты прямо посреди Большого зала. Форесту не требовалось оружие, чтобы разобраться с пожилым воином, который так и не заслужил чести назваться рыцарем, вполне доставало силы и обуревающей его ярости.

Но Райан сумел взять себя в руки. Он, пусть и с усилиями, переборол страшные, жестокие порывы и отказался принимать, что одной из первых мыслей, возникших у него в голове, было желание перегрызть Бладсворду глотку. Может, и не самостоятельно – Форест верил, что ему охотно придут на помощь, видел эту картину, почти что чувствовал вкус крови, а от ярости у него стучало в висках. Подобные желания уже несколько раз проявлялись за жизнь правителя – тогда он был ещё совсем молод и горяч, чаще выходил из себя и куда охотнее забывал напутствия родителей, позволяя себе поддаваться эмоциям раньше, чем успеет осознать происходящее.

В первый раз Райан поругался с молодым рыцарем – они не поделили девушку, и несмотря на все ухищрения хорошо обученного бойца и достойный набор оружия, лорд сумел одолеть противника и прижать того к дереву. Годы прошли, а воспоминание совсем не померкло.

– Вам всё равно подберут другую даму сердца, из благородных и достойных вашего положения, милорд. – Последнее слово рыцарь произнёс с издёвкой, а когда Райан нахмурился, то и вовсе засмеялся представителю знати в лицо. – Как бы вы ни старались – Нейзи вашей не станет. Она моя!

Тогда наследник Мертора не смог сдержать себя в руках и был готов задушить противника. Нейзи убежала – потом стало понятно, что она позвала стражников и рыцарей, – а Райану подумалось, что душить не так эффективно, как перегрызть горло. Задорное чириканье над головой лишь усиливало намерения. Лорд даже склонился к недругу, трепыхающемуся из последних сил, отчаянно пучащему покрасневшие глаза и издающему хриплые стоны. Лорда с бойцом вовремя растащили, а прекрасная дева, как оба воздыхателя позже узнали, давно выбрала себе кавалера и через четыре цикла вышла замуж за уже немолодого и очень общительного писаря Гринтри.

Обида сплотила старшего из сыновей Мертора с рыцарем, и они по сей день оставались хорошими друзьями. В последние годы, правда, воин немного сдал. После морского путешествия до Новых Земель, где мужчина подхватил неизвестную болезнь, на его лице остались шрамы, а дыхание стало прерывистым и тяжёлым. Лекари из Цитадели сомневались, что когда-нибудь воитель станет прежним. Брать друга в этот поход Форест не решился и теперь понимал, что поступил верно – рыцарь бы не пережил такую встряску.

Второй раз желание выгрызть лишний кусок плоти противника настигло Райана, когда он возвращался с королевского двора домой со всем своим семейством. Клейс и Ласс вместе с Кейдс отправились вперёд, а он отстал на несколько дней. Правитель уже и не помнил, по какой причине – может, требовалось его вмешательство во что-то, а может, он хотел навестить кого-

то из знати, и, как бывало нередко, хорошо выпить за встречу. Недалеко от границ на Райана и его свиту напали разбойники – довольно редкое явление в землях Форестов; некоторые подозревали, что лорд ненароком оскорбил кого-то из знати и расплата не заставила себя ждать.

В тот раз Райана пытались утащить подальше, предварительно убив его ближайших приятелей, и тогда молодой мужчина позволил себе поддаться желанию и жажде мести. Лорд почувствовал себя успешным охотником, когда впился в руку с кинжалом, мелькавшую перед его лицом. Поначалу Райану казалось, что в тот день он рычал, он был готов поклясться перед всеми Богами, что видел промелькнувшие тени бросившихся на помощь лесных обитателей. Всё было как в тумане. Тогда ещё не занявший трон отца наследник рода и сам продолжил использовать зубы вплоть до того момента, пока крики подданных не привели его в чувство. Свита отбилась, а поспешив на помощь лорду, натолкнулась только на растерзанные тела грабителей, словно попавшихся полчищу разъярённых диких зверей.

Никто не стал задаваться вопросами, почему зверьё появилось так вовремя и по какой причине лорд перепачкан кровью и абсолютно цел. Вместо этого отряд предпочёл поскорее убраться.

С того дня лорд Форест опасался поддаваться порывам. Через пару лет он вычеркнул из памяти страшные события – это было лучшим вариантом, чтобы продолжить счастливую жизнь, – и не вспоминал их до того, как поднял Бладсворда. Картина мертвеца с разодранной шеей отрезвила Райана, и он понял, что чуть не забыл о самой цели визита. Смерть Мортонна не имела значения, самое главное – Ховвил и возвращение его Арло...

Лорд Бладсворд не мог долго терпеть, когда его игнорировали. Поэтому он довольно быстро нагнал Фореста, не подозревая, от чего тот спасает болвана.

– Если бы я хотел навлечь беду на королевство или какого-нибудь конкретного его жителя, то не стал бы сейчас помогать вам, милорд Форест! – возмутился Мортон. – Я бы не отправился с вами в этот поход, не ездил бы по размытым тропам, не ночевал бы в придорожных лачугах или и вовсе на земле. Я помогаю вам отыскать глупого мальчишку, который не способен был выслушать и выполнить простые приказы и возжелал искать неприятностей.

– Ховвил для своих лет умный и послушный, уж повоспитаннее всего моего рода. А вы обязаны следить не только за безопасностью в стенах замка, но и за городом. За всеми городами, лорд Бладсворд!

– Я прекрасно справлюсь со всеми своими обязанностями, и не вам мне указывать, что и как делать. Да и как остановить мальчишку, который захотел приключений?! А вы не предполагали, что он мог захотеть податься на подвиги? Или, может, он и вовсе сторонник Культа Первых, а? Не думали об этом? А если это правда – вы меня зря обвиняете и раскаяние ляжет вам на душу тяжёлым камнем!

– Да какой из него сторонник культистов? Он недавно ещё за юбки кормилицы держался! И на моей земле нет этой заразы, мои люди негодяям помогать никогда бы не стали – Культу в моих владениях делать нечего. Если б кто их и встретил – то сразу навалил бы, а потом уже отправил доклад Боуэну. Нет. Ховвил, если и мог гадости набраться, то только здесь. От вас!

Споры стали спутниками лорда Бладсворда и Райана. Форест с превеликим удовольствием закончил бы разговор и после каждой завершённой или прерванной по какой-то причине перепалки считал, что более не станет подавать голос, но не мог замолчать. Возмущение рвалось наружу.

Мортон, поначалу выглядевший виноватым и, как казалось старшему сыну Мертора, искренне волновавшийся за судьбу своего воспитанника, с каждым днём становился всё нахальнее, вёл себя всё более грубо, откровенно дерзил, а под конец и вовсе стал перекладывать всю вину на плечи Райана и, что ещё хуже, на юного Ховвила. Этого Форест стерпеть не мог.

Однако некоторый толк в ссорах имелся. Эти непрекращающиеся с обеих сторон излияния помогали правителю держать себя в руках и хоть немного отвлекаться от мыслей о том, что

могли сотворить с мальчиком культисты. Фантазия у хозяина Гринтри была скверной, слабо развитой и весьма однобокой, но все истории, которые в красках описывали тела жертв различных Культов, коих в Ферстленде насчитывалось немало во времена Первых из Династий, компенсировали его недостаточное воображение.

Все разговоры и препирательства стихли, когда Мортон остановил коня. Райан проследил за взглядом Бладсворда и увидел старую крепость. Она располагалась всего в половине дня пути, может, немногим больше, от границ. На первый взгляд заброшенное строение с разрушившейся от времени Башней Мудрости, с несколькими ещё целыми и крепкими стенами, в которых слишком уж отчётливо выделялись новые ворота, и поросшим травой рвом, имело неудобное расположение вдали ото всех путей. Райан не мог припомнить, кто и когда построил крепость на отшибе. Его младший брат Клейс, скорее всего, рассказал бы увлекательную историю про неё и объяснил причину, по которой культисты могли облюбовать старое и неказистое здание, но правитель не понимал подобного и не желал понимать.

– Нам сюда? Вы уверены, лорд Бладсворд, что именно эту крепость отдали Культы Первых?

– Я ничего и никому не отдавал! – привычно возмутился Мортон. Казалось, что он воспринимает с агрессией всё, что ему говорят. – Но уверен, что если они и могли где-то скрываться, то только здесь. Я всего лишь предполагаю, как вы понимаете...

Спор с упрямым и вредным стариком был бесполезен и ничего бы не принес, кроме разочарования, а болтать попусту мужчина не любил.

Райан молча пришпорил коня.

– Милорд, куда же вы? Милордам не надо вперёд! Нельзя сломя голову, милорд Форест! – закричал кто-то правителю вслед, однако хозяин Гринтри уже спешил спасать родственника. Он понимал, что дядя Арло, скорее всего, узнает о приключениях единственного сына и Райану придётся выслушать много нового и не очень о себе, о Гринтри, о своих советниках, и скорее всего в весьма грубой форме. Пусть младшего брата Мертора и звали «дядюшкой» все Форесты, вне зависимости от родственных связей, попадаться под горячую руку родственнику не стоило. Правитель Династии надеялся, что получится убедить Ховвила не рассказывать о похищении хотя бы в ближайшее время, дать истории улечься, а после Арло уже незачем будет сердиться. Однако куда более важной причиной для рывка в пристанище жестоких душевнобольных убийц и мучителей было желание спасти мальчишку, а не собственную шкуру и уши.

На именинах наследника, в честь которых в Санфелле устроили праздник – первое большое пиршество с начала болезни Гийера Старская, – Клейс поведал о том, что нашёл когда-то в покоях и личных вещах сестры. Король в то время даже смотреть не мог на содержимое сундуков и шкафов – любой предмет пробуждал в нём воспоминания, а с ними и горечь от потери королевы. Правитель всем сердцем полюбил Аалию и до своей смерти так ни разу и не посетил её бывшие покои. Разбирать вещи поручили Клейсу.

Регент обнаружил множество упоминаний Культа Первых, который, как оказалось, существовал уже очень давно. В дневниках, что вела Аалия своей рукой, стояла дата первой находки тел лордов, над которыми проводили то ли эксперимент, то ли ритуал, и было это не менее четырёх сотен лет назад. Большая часть информации, кроме подробного описания найденных тел, была зачёркнута несколькими толстыми линиями.

Юный королевский помощник отложил доставшееся ему имущество на потом и только перед именинами Ауруна зачем-то решил почитать. Он признался, что тогда быстро потерял интерес, высказал предположение, что любимая сестрица была больна и нуждалась в лечении последние годы, чем в тот день возмутил Райана. Записи сестры врезались в память, и ссора с братом помогла этому. Аалия верила в ужасные деяния Культа, и сейчас, мчась к крепости, правитель Форест вспомнил всё, что когда-то слышал и читал. Весёлый и добродушный вели-

кан чувствовал себя неуютно. Словно он был незащищённым перед чем-то неведомым, непонятным и чрезвычайно опасным.

Пытаясь прогнать дурные мысли, Райан готовился встретиться с врагами, кричал об этом, но никто так и не вышел к нему. Пустые мешки из-под зерна, остатки от туш оленей, кабанов и других животных, обломки посуды, костровища и многое другое указывали на то, что кто-то и правда долго жил в крепости. И на то, что эти люди были неряшливы и мусорили без зазрения совести. Словно обитали во временном жилище, а не в собственном доме. Быть может, потому и позволяли себе подобное. Портить чужое всегда приятнее, чем своё.

– Милорд Форест, здесь спуск!

Райан спешил, оттолкнул с пути подоспевшего Мортон и быстро проследовал к своим воинам. У самого входа в основное здание, чуть левее, и правда оказался вход в подвал. Отворив тяжёлые деревянные крышки, закрывающие лестницу, отряд Фореста почти полным составом, кроме людей, оставшихся у стен присматривать за лошадьми и скарбом, во главе с лордом спустился вниз. Мортон, пытаясь на каждой ступени, медленно следовал за воителями.

– Милорд Форест, я не уверен, что идти вниз это хорошая идея. Мы не знаем, что нас может ждать.

– Здесь может быть Ховвил! – прорычал Райан и забрал факел у одного из своих воинов. – Ховвил! Ховвил!

Форест привычно отмахнулся от Мортон ещё раз, а затем ещё пару раз и вскоре перестал прислушиваться к бурчанию старика. А может, перестал его слышать, так как Мортон замолчал, что тоже было весьма неплохо. Подвал, ранее служивший как склад для припасов и оружия, был превращён в неопрятную, дурно пахнущую псарню. Решётки, вбитые в камень и образующие ряды небольших клеток, шли по стенам, а между ними двумя рядами покоились кучи досок, обломков и тряпья, от лестницы и до самой двери, на которой с внутренней стороны висел тяжёлый и грубый замок. Отсыревшая, грязная, источающая вонь солома на каменном полу каждого маленького помещения перемешивалась с новой, более чистой. Кое-где имелись миски с водой, в некоторых местах лежали какие-то тряпки. Более всего мужчину поразили вёдра в клетушках. Он не сразу сообразил, для чего они предназначались.

– Ищите всё, что может указать нам на Ховвила! – отдал приказ Форест.

Люди рассредоточились, некоторые зажимали нос рукавом, другие же только морщились и терпели. Райану и самому было не очень-то приятно дышать в старом хранилище, но, если это требовалось, чтобы отыскать родню, значит, он вытерпит всё.

– Милорд Форест! – Молодой рыцарь, всего год назад прибывший служить в Гринтри, замахал факелом, призывая Райана. Воин стоял у самого конца ряда клеток, ближе всего к запёртой на замок двери. – Милорд Форест, здесь! Здесь!..

Два тела жителей Ферстленда и три тела, походящие по описаниям на жителей Новых Земель, чьи-то пальцы и волосы, пара кучек явно человеческой требухи – всё это неизвестные уложили на толстый щит, сколоченный из грубо отёсанных досок и снабжённый верёвочными петлями по краям, вероятно, чтобы его было удобнее переносить.

Райан не заметил среди тел Ховвила, и это давало надежду.

– Милорд Форест. – Средних лет воин, отец которого ранее верно служил Райану, а до него и Мертору, пока не ушёл на заслуженный отдых, подошёл, держа в руках вонючую тряпку. – Милорд, я нашёл только это и, полагаю, мне не стоило бы... Но, увы, иного я не заметил...

– Не тани! – рыкнул Форест. От запаха с каждой минутой становилось хуже.

Воин покорно расправил грязный кусок материала, который оказался потрёпанным плащом. На нём красовался герб Великой Династии.

– Ховвил... – Правитель до конца не верил, что племянник и правда может быть в руках культивистов. Искал, но надеялся. Ещё меньше Райан хотел верить, что мальчишка видел это

место и, возможно, какое-то время находился в нём. – Ховвил был здесь! Здесь, в этом... В этом всём!

Петли скрипнули, послышался глухой стук, словно где-то вдалеке хлопнули ставнями или дверями. В подвале вмиг потемнело, остался лишь свет от нескольких факелов.

– Мортон, идите сюда и принесите ещё факелов! Мортон! Где лорд Бладсворд? – заметался Райан. Он продвигался к выходу, немного шурясь и смотря больше под ноги. – Где он? Мортон, где Ховвил? Чего встали? Открывайте двери, и так дышать нечем. Где проклятый Бладсворд?

– Милорд, нас закрыли! Заперли!

Верд

Верд стоял у внешней стены некогда величественного Файрфорта, в своё время украшенной таким обилием гербов, что сложно было рассмотреть камни до окон второго этажа. Лорд безмолвно, будто в оцепении, наблюдал, как слуги бегали с вёдрами и тщетно пытались спасти его родной дом. Похоже, кто-то принял командование, пока наследник земель приходил в себя. Кто именно – Флейм смотреть не желал. В тот момент его заботили иные проблемы.

Люди вокруг не замолкали, создавая бесконечный шумовой фон. Они кричали и суетились, раз в несколько минут к лорду подбегала пара участливых и обеспокоенных подданных, интересующихся, всё ли хорошо. Они спрашивали, не требуется ли правителю их помощь, говорили куда-то отойти – в гвалте, стоящем вокруг, сложно было разбирать слова. Знатный мужчина лишь отмахивался и качал головой. Он не обращал внимания, были ли это одни и те же подданные или разные.

Ссора с дядей приняла совершенно неожиданный поворот – так Верд думал вначале. Но впрямь ли сын Дарона не ожидал подобного исхода? Если быть честным с самим собой и перестать изображать простоту и невинность, сможет ли лорд продолжать утверждать, что нынешнее положение дел его поразило до глубины души? С детства наследник земель, пусть и скрывал это, обладал даром. Он открыл Раялу, приятелю, которого с детства считал главным врагом, свою, так сказать, уникальность. Верд показал соседу способности управления огнём, а тот в ответ поведал о мертвецах. По возвращении правителя в родной дом Бьол неоднократно упоминал, что вина в смерти Дарона целиком и полностью лежит на дяде Зейире. Советник утверждал – нет, он клялся, что брат правителя повелевал пламенем и сжёт собственного родственника живьём.

После всего увиденного и услышанного, после признаний и разговора с Бьолом не должно было остаться сомнений. Так почему же Верд не соизволил подумать ранее, к чему приведёт противостояние?

Выкрики и взаимные обвинения быстро переросли в борьбу, но не ту, к которой готовили наследника с самого детства, и Большой зал вспыхнул. Картины, гобелены, скамьи и деревянные арки со статуями, что служили украшениями, шторы и балкончики – огонь объял всё, и поскольку ни один из Флеймов не мог успокоиться, продолжал распространяться и дальше.

Ни один из лордов не мог причинить вред другому, ни один не пожелал отступить, пока обуглившиеся части деревянных люстр не начали падать им на головы. Казалось, Верд с дядей бегал по Файрфорту вечность – они, как повздорившие глупые мальчишки, гонялись друг за другом, вовсю размахивая оружием, но боясь подступить к противнику ближе чем на пять-семь шагов. Проклятий, что Флеймы посылали на головы друг друга, хватило бы, чтобы разделить на целое войско. Если бы хоть сотая их часть сбылась, миру, или как минимум владениям Флеймов, пришёл бы конец.

– Милорд Флейм, вы не ранены?

Верд оторвал взгляд от пылающей конюшни, откуда недавно выбежали взбешённые кони. Трое из них, те, что были знатно обмазаны маслом – это было частью древнего ритуала, необходимого для получения жизнеспособного и сильного потомства, – выносили на себе огонь и распространяли его дальше. Лошади ржали повсюду, казалось, что они кричат человеческими голосами, а Верд только и мог, что стоять на ступенях, мешая слугам бегать с вёдрами и наблюдать. Копытные ничего не могли сделать самостоятельно; они носились по двору, бросались на псарни, падали на землю, случайно или намеренно тёрлись боками о торчащие то тут, то там заготовки соломы – как раз было самое время для этого, – поджигая всё на своём пути. От боли и страха животные впали в неистовство и отчаянно боролись за свою жизнь даже с теми, кто желал их спасти. Несколько сумело прорваться за ворота и убежать в город.

Лорда, который почти не противился, утащили подальше от пламени, хоть огонь и не подступал к нему. Послушный, он лишь плясал вокруг и подчинялся. Быть может, этому следовало радоваться, однако Верд не мог. Он думал только о том, что Зейир оказался слишком сильным. Сильнее, чем рассчитывал правитель.

Да, дядя первым сбежал, ринулся к центральным воротам, сбил с ног слугу, что хотел помочь лорду, вскочил на первую попавшуюся лошадь и помчался прочь. Сын Дарона, бросившийся за ним, успел посмотреть вслед братоубийце, а потом силы и разум словно покинули его. Он глядел то на охваченных пламенем лошадей, то на тлеющие знамёна и какое-то время не чувствовал ни своего тела, ни головы. Верд был одновременно и там, где стоял, и где-то далеко, в своих кошмарах, обуреваемый страхом из-за демонстрации дара.

– Что? – Губы с трудом слушались, а голос стал сиплым. Верно, он надышался дыма сверх меры, но не заметил.

– Милорд Флейм, вы в порядке? Вас не ранили? Огонь повсюду, и я боялся, что вы... Как отец? Он не причинил вам вреда?

– Нет. Конечно же, нет. Я – Флейм, огонь мне не страшен, он течёт в моих жилах вместе с кровью. – Прежде чем горделиво вскинуть голову, Верд сфокусировался на стоящем перед ним человеке – раскрасневшемся Бьоле. Вероятно, это он увёл своего правителя на безопасное расстояние. – Ты паршиво выглядишь.

Советник утёр пот со лба грязной рукой, оставив на коже тёмные полосы. Его жёлтые одеяния, положенные по статусу, с нашитым в ромбе гербом Великой Династии, которой он служил, покрылись слоем пыли и пепла. Подол их уже успел побывать в огне, ненадолго, но обожжённый край немного топорщился. На наряде расплзлись мокрые пятна под руками, на спине и на животе, из-за чего тот прилипал к телу. На перепачканном копотью лице двумя яркими пятнами выделялись толстые, свисающие вниз, раскрасневшиеся щёки. И Флейм, наконец, заметил, что советник постанывал, наступая на левую ногу. Это подействовало отрезвляюще.

– Что с тобой случилось, Бьол? Что с ногой?

– Лестница, милорд. Ступени у главного входа. Я никогда их не любил, а с годами они для меня становятся лишь выше.

Да, тот, кто построил Новый Файрфорт, совершил пару-тройку очень неприятных ошибок. Первый, самый старый из замков, заложенный так давно, что плохо запоминающий даты Верд не сумел бы назвать и приблизительного века, выглядел совершенно иначе. Говорят, твердыня была в меру величественна, комфортна для проживания, не высока, но массивна и растянута во все стороны. Но в самом начале Эпохи Альянсов, когда Бладсворды, Форесты, Старскаи и Дримленсы создали первый союз и выступили против Флеймов и Глейгримов, столица сильно пострадала. Правителя того времени, Джура Безумного Флейма, горячо ненавидели почти все великие рода, кроме разве что Глейгримов, с которыми он умудрился поддерживать дружеские отношения и весьма продолжительный союз, а также северян, предпочитающих закрывать глаза на некоторые особенности соседей ради ведения взаимовыгодной торговли. Впрочем, даже союзников Безумный лорд порой мог доводить до дрожи от ярости, чего уж говорить про остальных? Того Флейма ненавидели, а после его нападения на единственную дочь Старская и сожжения её на глазах отца и матери, невзлюбили ещё более. Скорее всего, это и послужило толчком для того, чтобы решиться на очередную войну.

Без малого сотню лет после тех сражений владения Флеймов обходились без главного замка, а один из наследников Джура Безумного, насколько Верд мог вспомнить, это была леди, установила трон посреди руин и гордо восседала там несмотря ни на что. Там же женщина принимала гостей и просителей, растянув шатры между чудом устоявших колонн, там же она проводила важные приёмы и там же встречала всех послов. После такого неудивительно, что все поголовно считают Флеймов несколько взбалмошными и своенравными.

Лишь очередной праправнук Безумного Флейма возжелал вернуть Файрфорту былое величие и повелел построить ещё более прекрасный замок, в полтора раза больший, чем был предыдущий. К сожалению, известные своей скаредностью лорды являлись таковыми и многие столетия назад, а недоверие к требующим большой платы строителям и желание полностью контролировать весь процесс совершенно не сыграли им на руку. Местами ступени, особенно те, что вели к главному входу, сделали чрезмерно высокими и во время праздников для леди приставляли отдельные, специально сделанные деревянные лесенки, по которым те могли подняться почти без посторонней помощи. Огромные залы восхищали гостей, а величественные и просторные покои радовали глаз, но ровно до тех пор, пока не вставала необходимость запастись дровами и протапливать все эти помещения.

Высокие окна – на стёкла пришлось разоряться уже последующим поколениям – были обрамлены невероятной длины шторами и изящными резными карнизами, полировать которые было очень сложно. Избавление штор от пыли и замена их на новые пробуждали во всех слугах страх – для этого требовались целые конструкции из лестниц, длинные палки с крюками, десятков служек и уйма времени.

Ранее Верду нравился родимый дом, тем более когда для него устраивали всё наилучшим образом, однако в последнее время он начал задумываться не только о собственном комфорте, но и об окружающих. Возможно, зря. Ведь теперь настроение лорда портилось куда как чаще.

– Я велю перестроить их, – решительно заявил Верд. – У нас есть каменщики, уверен, среди них найдутся толковые.

– Милорд, – наследник Дарона был готов поклясться, что видел восхищение в глазах советника, – разумная ли это трата, когда в королевстве идёт война?

– Тебе неудобно. Да и не только тебе – служанки с трудом поднимают вёдра, дети постоянно падают... Я и сам, помнится, нередко в детстве карабкался как придётся по этим проклятым ступеням.

– Ох, что же с вами стало, милорд Флейм? Вас не узнать!

– Может, я поумнел? Бьол, куда мог отправиться дядюшка Зейир? Я понимаю, что должен был погнаться за ним сразу же, но... Но я не стал.

– И правильно сделали. Неизвестно, сколько людей у него за воротами, а сколько всё ещё на его стороне. Вы могли пострадать, бездумно ринувшись в погоню. В городе сейчас опасно, мы не можем доверять всем горожанам, среди них есть те, кто против вашего возвращения.

– Может и правильно. – Верд представил себе, как он лежит посреди площади с ножом в боку, а кто-то из пронырливых людей дядюшки Зейира нависает над ним и ухмыляется. Раньше мужчина бы ни за что не поверил в подобный исход, но теперь... Мир не ограничивался Файрфортом, а проблемы – попытками сбежать от разъярённых мужей обаятельных леди. – Но я должен знать, куда этот... человек сунется.

– Полагаю, поскольку Зейиру всё ещё неизвестно расположение милорда Хагсона Глей-грима, то ваш дядя мог отправиться либо в свой замок, либо к границам.

– И что ему нужно у границ?

– Милорд, вы слушаете доклады?!

– Не всегда. И обычно ты так долго говоришь, что я устаю и начинаю думать о чём-то своём.

– Что-то собирается. Что-то вскоре произойдёт. Что-то плохое, милорд. До нас доходили слухи, что северяне, пока что одним войском, во главе с новым правителем, милордом Робсоном Холдбистом, отправились на помощь Глейгримам. Милорд Зейир же, вероятно, выступил со своей личной гвардией и намерен присоединиться к Бладсвордам. Думается мне, он полагает, что если одержит победу, то сумеет убедить народ в своём превосходстве.

– Две Династии против двух Династий. Интересная выйдет бойня.

– Битва, вы хотели сказать.

– Я сказал то, что хотел. Не хочу думать, сколько там погибнет, а кому потом работать на полях?.. Что слышно про Раяла Глейгрима?

– Люд бежит от нашего врага. Милорд Глейгрим пугает их – все, как один, беглецы вещают о восставших мертвецах, что полностью выполняют волю своего хозяина. Говорят, что он не волнуется о состоянии своих подданных и вполне способен дать приказ новым слугам поедать живых! Безумство! Старые предостережения вашей родни уже не кажутся беспочвенными.

– Не думаю. Раял не настолько ужасен, как о нём говорят. Быть может, именно потому он до сих пор не победил. И много у него уже мёртвых в подданных?

– Здесь люди говорят совершенно разное. Но чем позже сбежавшие оставляли милорда Глейгрима, тем большую армию описывали.

Верд хмыкнул.

Если его противник и приятель в самом деле развил свой дар настолько хорошо, то у него есть шанс. Вернее, был. Наследник Дарона не успел проверить, горят ли мёртвые лучше, чем живые, и причиняет ли это им пламя хоть какие-то неудобства, но твёрдо знал, что одежда, знамёна и телеги полыхают очень даже прилично. Несколько бочек с маслом, тюки с сеном или что там ещё сумеет придумать извращённый разум дядюшки, и как минимум живые пострадают. Маловероятно, что Раял не возьмёт с собой никого из командующих, лордов и придворных. И он сам там тоже будет. А может быть, своего родственника не оставит и Олира.

Пусть эта девка не образец для подражания, пусть она нахальная, невоспитанная и озлобленная, как старая дева – и не имело никакого значения наличие детей, – она родственница соседа. Отвратительная, скорее даже худшая из всех, но тем не менее. Верд гнал воспоминания о часах, проведённых в компании пленившей его дамы, но некоторые так и норовили вернуться, особенно по ночам.

– Что с вашим лицом, милорд? Вы переживаете за свои владения? Я понимаю, но не стоит. Не думаю, что, поспей даже ещё хотя бы тройка войск северян, они смогут сравниться с Бладсвордами. Или... Уж не переживаете ли вы за другую сторону?

– За обе. Дядюшка Зейир повинен в гибели моего отца, и я желаю ему смерти.

– Ох, милорд, я уже очень стар. Да и зачем слушать старика, что только-только спасся из лап смерти? Мне могло привидеться всякое. И чем чаще я об этом думаю и вспоминаю, тем более осознаю, что всё это не могло случиться в самом деле.

Лорд Флейм медленно двинулся ко всё ещё полыхающим конюшням, псарням и оружейным, к замку и всем многочисленным пристройкам рядом с ним.

– Дядюшка Зейир убил отца. Он способен командовать огнём, повелевать им. Не знаю, почему отец не мог этого делать, быть может, не посмел поднять руку на собственного брата или испугался... Не знаю.

– Никому не под силу повелевать огнём, милорд. Я помню, в детстве мне читали и рассказывали сказки про Первого из Флеймов, но это лишь старые поверья. И милорд Зейир...

– Он не лорд! Нельзя звать лордом братоубийцу. Нельзя называть лордом мерзкого узурпатора, что не признаёт моей власти и моего права на трон! Законного права! Он не лорд, он – ничтожество. Но обладающее страшным даром ничтожество.

– Вам, верно, сделалось дурно от дыма и жара, милорд. Помочь вам присесть? Куда вы? Милорд, не приближайтесь, там огонь! Огонь, милорд! Это опасно... Да стойте же!

Верд продолжил идти прямо в пламя, а верный советник последовал за ним, норовя схватить за руку и увести как непутёвого ребёнка. Это было удивительно для Флейма – он сам знал, что не пострадает и потому не испытывал страха, а Бьол не мог быть уверен в собственной безопасности. И всё же он следовал за мужчиной, что в течение лет пятнадцати превращал его жизнь в существование и портил быт самыми изощрёнными способами, какие только можно

придумать. А в последние лет семь, как только сын Дарона набрался опыта и золота для оплаты работы приспешников, и подавно.

– Он ничего мне не сделает, Бьол. Как и Зейир, я могу управлять пламенем. Всё, что говорилось в легендах, – правда. Про Первого, про весь мой род. Зейир убил моего отца, и я должен отомстить и остановить войну. Кто это сделает, если не я? Всё зависит только от меня! – уверенно заявил лорд. Он чувствовал тепло, но не жар. Огонь отступал от него, расплзался в стороны, пропуская повелителя и его доброго друга, а языки пламени стелились, не желая быть выше Верда.

– Прекрати, Верд, ты лишился ума от горя! – Бьол забыл о верной манере общения с правителем. – В сказках нет ни слова правды, а ваши с лордом Зейиром распри...

– И как тогда, ты полагаешь, загорелся Файрфорт?

– Возможно, вы дрались или опрокинули свечу или факел...

– И много раз ты ронял свечи или факелы? Признайся же, Бьол! Сколько раз? А сейчас, когда твои руки уж не так хорошо слушаются тебя, как ранее? Не ронял ли ты свечи на свои бумаги? На деревянный стол? На стулья, одежду, перья или кровать?

Советник замолчал. Он неопределённо мотнул головой, а после кивнул, соглашаясь.

Разумеется, он задевал подсвечники и опрокидывал их. Разумеется, факелы нередко падали на пол, а в случае нападения противника отбросить факел, чтобы тот не мешал, и вовсе было привычным занятием. При этом каменный пол совершенно не страдал от подобного обращения.

– Милорд Раял Глейгрим в самом деле способен поднимать мёртвых и отдавать им приказы. Он – потомок Проклятого короля. А я и Зейир – потомки Первого из Флеймов, и в нашей власти огонь. – Сын Дарона не сдержал улыбки.

Слуги продолжали выливать ведро за ведром на постройки, а несколько храбрецов даже бегали внутри замка, однако почти ничего не добились своими стараниями.

Верд прикрыл глаза и сконцентрировал внимание на желании умирить пламя. Он представлял себе костёр, который мирно горел и теперь понемногу начал гаснуть. Медленно, но верно он становился всё меньше и меньше, пока вдруг полностью не исчез.

Когда мужчина открыл глаза, то увидел поражённого советника и застывших с ведрами слуг. Огонь погас в один миг и без помощи воды.

– Что же это? Этого не может... Это невозможно! Это какие-то фокусы, что проворачивают шарлатаны на площадях, – залепетал Бьол и замотал головой. На деле его шея не поворачивалась достаточно хорошо, чтобы полноценно двигать ею из стороны в сторону, поэтому отрицание советника больше всего напоминало нервную тряску. Похожее Верд имел удовольствие наблюдать у леди Эльсы, младшей дочери Зейира, особенно перед тем, как та падала на пол, содрагаясь всем телом, её взгляд становился стеклянным и бессмысленным, а изо рта неконтролируемо вытекала слюна.

– Боюсь, что нет. Бьол, я не могу объяснить тебе, что это и как оно работает, но я с детства умел некоторые подобные... фокусы. Мне никто не верил, я держал это в тайне от друзей, семьи, да ото всех. Но теперь я могу не скрываться. Боюсь, что Зейир, после того как убил отца и на пару со мной уничтожил Файрфорт, тоже убедился в своей исключительности. Я должен помешать ему! Кроме меня, с ним не справится никто.

– Король. Его Величество справится с милордом Зейиром.

– Не называй его лордом! – проревел Верд и почувствовал, что огонь словно тянется к нему, чтобы помочь справиться с врагами. Пожалуй, надо бы спросить у Глейгрима, как тот справляется со своими чувствами, и как можно скорее научиться этому. Не хотелось бы в один день потерять контроль и натворить дел, которые никто не сможет исправить.

– Зейиром, – послушно исправился советник. Он выглядел напуганным, и Верд устыдился.

– Прошу простить меня, Бьол. В последнее время я сам не свой. Война, плен, смерть отца, ссора с Зейиром, твоя казнь, слава всем Богам, не состоявшаяся... Я не ожидал таких приключений. По правде, я ведь и не думал даже, что мне придётся решать хоть что-то в ближайшие десять лет – отец с твоей помощью справлялся, меня это устраивало. А теперь понятия не имею, как мне быть. Разумеется, так или иначе я справлюсь, в этом у меня нет сомнений, и всё равно на душе гадостно. А что ты говорил про короля?

Бьол правильно ругал Верда – и впрямь следовало почаще слушать, когда зачитывали письма. Старый верный подданный отца и вовсе излагал прочитанное кратко и по существу, не вынуждая наследника правителя самостоятельно отвечать на все послания вассалов или лордов с других земель. Он не докучал никому не нужными ритуалами, не настаивал на соблюдении традиций застолья и, когда требовалось, переставал быть мудрецом, превращаясь в нормального человека. В того, кто очень нужен – сторонника и опекуна.

– Армия Его Величества, милорд Флейм. – Старик неопределённо махнул рукой, вероятно, в сторону Кеирнхелла, который ныне занимали Бладсворды. К сожалению, картография и ориентирование на местности никогда не являлись сильной стороной Верда. Не то чтобы он совсем не имел способностей к этому, скорее, ленился и предпочитал тратить время на более приятные дела. – Его Высочество Клейс Форест устал от войн и отправил две армии навсегда положить конец распрям лордов. Боюсь, если кто-то откажется подчиниться, то поплатится за это головой.

– Королевская армия тоже примет участие в сражении? Где?

– Его Высочество регент отправил обе к границам, где мы с врагами делим замки последние полгода. Одна, что состоит из рыцарей Серого Братства и преимущественно воинов короля, направлялась через земли Дримленсов и владения вашего рода и, думаю, уже близка. Вторая же идёт не только под королевскими знамёнами, но и под знамёнами Форестов и нескольких Ветвей Вайткроу. Мне донесли, что видели даже знамёна вассалов Бладсвордов, однако я не могу быть в этом уверен. Насколько я могу доверять словам дозорных и разведчиков, у границ близ Кеирнхелла ожидается самое масштабное сражение за последние четыре десятка лет. Быть может, оно даже превзойдёт войну с Дримленсами.

Сравнивать то, что могут учинить Глейгримы с Флеймами сами по себе, если не брать в расчёт и другие армии, с разрушениями, что были получены во время мелких сражений других Династий и Дримленсов, неправильно и глупо. Да, пара крупных битв в то время произошла, однако среди сторон ни у кого не имелось армии из мёртвых или дара сжигать окружение.

Сын Дарона Флейма вздохнул.

– Если всё это правда... Если всё так, как я думаю, то это будет не только самое масштабное сражение даже не за последние сорок, а за последние сотни полторы лет, но и самое кровопролитное. Самое разрушительное. Территории у границ будут уничтожены! Ты бывал у Рва Тысячи Копий? По сравнению с тем, что будет у Кеирнхелла, Ров покажется плодороднейшей землёй. Если там и вовсе хоть что-то останется! Ох, Бьол, а замки? Наши замки могут быть уничтожены!

– Погибнут люди. Крестьяне, воины, кузнецы, лесорубы, мясники и ткачи... Если всё и впрямь так, как вы говорите, то родам нечем будет править. И наступит голод, исчезнет часть полей, и даже те, что останутся, некому будет обрабатывать. Любая война неизменно заканчивается голодом.

– Ах да, и это тоже. – Верд кивнул, соглашаясь. Он и позабыл, что пострадают люди и поля. Файрфорт в любом случае будут снабжать в первую очередь, но голод сейчас совсем не нужен, он никак не укрепит позиций лорда и ничем не поможет ему. – Я и сам хотел об этом сказать.

Бьол прищурился и потряс щеками, беззвучно произнося слова, – он делал так, когда не верил в честность отпрысков Дарона, да и самого правителя тоже.

– Но я знаю, как всё исправить!

Повисло молчание. Лорд Флейм ожидал, пока советник заинтересуется, и тогда мужчина сумеет пояснить свой безупречный план, но Бьол только выжидающе смотрел. Лишь спустя минуту, а то и более, тишины, старик, наконец, понял, что должен сделать, и подал голос.

– И как же, милорд?

– Я отправлюсь к Кеирнхеллу и остановлю сражение! Объясню всё Его Высочеству и...

– Сомневаюсь, что там будет сам Клейс Форест, – прервал план Бьол.

– Думаешь, он настолько труслив, что не отправился с армией? Не важно, значит, я поговорю с его советниками или командующими! Я расскажу, что наше с Раялом противостояние подстроено, и всё разрешу.

– Вы уже отправили послания с пояснениями. Этого довольно...

– А Зейира убью! – не дал договорить советнику Верд, сжав кулаки.

– Это безумие! Милорд, вы не справитесь. Лучше оставаться здесь, в безопасности и ждать, пока...

– Нет. Ты занимайся Файрфортом, жить в нём теперь невозможно и недостойно правителя. Впрочем, его давно надо было перестраивать. Да, и не забудь распорядиться, чтобы каменщики снесли, наконец, эту старую лестницу и сделали новую. А я отправляюсь спасать наши замки и наших людей!

Арло

Маленькая камера, похожая на клетку для собаки, сводила писаря с ума. Проржавевшие от времени и из-за постоянно выливаемых на них отходов решётки больно царапали кожу. Местами, особенно там, где стояла миска с водой, расслоившийся пол оставался крепким, но понемногу уже крошился. Острые осколки то и дело царапали ноги и особенно руки, когда требовалось что-то нащупать в темноте. Нижние слои грязной и вонючей соломы смешивались с верхними и превращались в единую массу.

В конуре было невозможно выпрямиться. Она не позволяла ни спать, ни сидеть, протянув ноги, ни стоять, ни лежать. А ещё думать о чём-либо, кроме желания обрести свободу и о предстоящем ужасе. В некотором смысле пыточные инструменты и те казались не столь страшными орудиями, ведь они не применялись на протяжении круглых суток. Арло, бывало, ловил себя на мысли, что согласен отправиться на пытки и позволить привязать себя к столу или стене, только чтобы, наконец, расправить конечности и потянуться. При появлении в зоне видимости культистов писарь незамедлительно отказывался от мыслей и молился, чтобы его оставили сидеть в клетке.

Смущаться справлять естественные надобности у всех на виду мужчина перестал спустя половину цикла, и в это же время прекратил свои попытки отводить взгляд, когда этим занимались его соседи. Запахи перестали вызывать у него тошноту ещё раньше. К тринадцатому дню Арло научился не морщиться при виде еды, ждать времени кормёжки и ловить то, что ему бросали, до того, как оно упадёт на грязный пол. Культисты не церемонились ни с кем из пленников, разве что тем, кто поддался нападкам Бога Мучений, помогали отыскивать нужный кусок, а когда это не получалось, то насильно впихивали необходимую порцию.

Флейм повторял всё за своим новым другом и соседом Винсентом с севера, так как иного примера перед глазами не имелось. Мужчина уже неоднократно успел ощутить на себе гнев мучителей и убедиться – бить его могут и будут, но убивать не собираются, что бы он ни кричал. По крайней мере, пока. Это вселяло надежду и даже некоторую уверенность в собственной значимости. Придавало сил.

Женщин продолжали уводить, а порой, вероятно, когда хозяева дома отсутствовали, те, кто выполнял роль стражи и надзирателей, вытаскивали пленниц из клеток и насиловали, не тратя силы и время на поиски укромных уголков. Крики, слёзы, мольбы, угрозы, шантаж и попытки откупиться – ничто не действовало на похитителей, и со временем сдавались все. Стоило обратить внимание, что культисты отличались друг от друга, лишь ограниченный круг развлекался всеми доступными способами, в то время как другие порой проявляли сострадание; но пленники, как и писарь, не делали различий. Они ожидали подлости от всякого, кто находился по ту сторону.

Флейм от всей души жалел леди – дамы не привыкли к подобному обращению, они знали, что их статус спасёт им жизнь и честь в любой ситуации, верили в это. Воспитанницы благородного происхождения зачастую отличались кротким нравом, навязанным родителями, имели хорошее воспитание и могли блеснуть изысканными манерами. Содержание в подобных условиях и без насилия причиняло им боль. Ни чистота крови, ни достойное поведение, ни приемлемый для знатной дамы нрав, ни богатство родителей, женихов, братьев и мужей не сумели спасти их от участи пленниц культистов. В первые дни Арло сочувствовал им столь сильно, что пару раз даже пускал слёзы, смотря на то, как красавиц превращают в подобие женщин.

Незаконнорождённые, но признанные лордом или иным богатым отцом дочери также явно пользовались всеми доступными благами и совершенно не думали, что когда-то столкнутся с подобной бесчеловечностью и жестокостью. Пару женщин, из тех, что постарше и менее симпатичны, подвергали пыткам, но в основном истязания доставались сильному полу.

Винсент уверял нового соседа, что мучители не испытывают ни малейшего желания терзать буйных пациентов, и Арло соглашался с его доводами. Никто в здравом уме не пожелал бы оставаться в одном помещении с тем, кто раз за разом продолжает испытывать терпение надзирателей, кого не учат удары тяжёлыми сапогами и розгами, кто переживает воспитание голодом и стыдом, но не приходит к смирению, а напротив, лишь ещё яростнее борется за свободу. Подобного человека следует окрестить умалишённым и стараться держаться от него подальше. И до поры до времени такое поведение в самом деле оказывалось самым верным. До тех пор, пока в один из вечеров, или, быть может, утром, или днём, или глубокой ночью – Арло не знал, где сейчас солнце, он давно не видел его и перестал ориентироваться – уродливый кривоносы́й худой мужчина не явился к пленникам.

Мучителя узнали все, и те, кто хоть единожды побывал в его руках, начали биться в своих клетках, кричать, плакать, звать на помощь, во всеуслышание молиться всем Богам, а кто-то даже лишился чувств от страха. Арло был уверен в Винсенте, в безупречности придуманной приятелем тактики и том, что они оба выживут. По крайней мере переживут встречу с душевнобольным врачом и никуда не денутся из своих клетушек.

Пыл и задор дальнего родственника Дарона Флейма, предпочитающего повторять за соседом, вмиг угас, когда врач-экспериментатор указал на темноволосого Винсента. Арло остановился, перестал сыпать угрозы и бросаться на решётки и со страхом, который отчётливо отразился на его лице, стал наблюдать, как культисты тащат юношу, несмотря на все его крики и яростное сопротивление, в сторону дверей. Те с первых дней прозвали Вратами Бездны, дверями в подземное царство Бога Мучений и Проходом на дно, откуда никто не возвращался прежним. Что именно могло ждать за дверями и кто там встречался, те, кого приводили обратно, не рассказывали, а те, кто всё время был по эту сторону, могли лишь гадать.

Врата называли дорогой в один конец. Бывало, что люди пропадали там по несколько дней, а то, что возвращалось обратно, больше не могло зваться лордом, а порой и человеком. Туда же иногда уводили женщин, и дважды случалось так, что уведённые более не возвращались. В те разы и врач, и все его помощники, и Посланник Бога Мучений, который вёл беседы с палачами, пребывали вне себя. Каждый раз несколько дней – Арло успевал поспать раза три – за двери не уводили никого, а после всё становилось как прежде.

– Не надо! Не трогайте его! – Почему вдруг похитители могут послушать его и решат поступить правильно, писарь не знал, но всё равно продолжал кричать вслед. – Прошу вас, он же ещё ребенок! Глупое дитя, он не хотел... Не надо!

Розги, что легко пролезали между прутьев, быстро заткнули рот прижимающемуся к ржавым решёткам мужчине. Флейм с лёгкостью признавался себе и, если требовалось, то и окружающим, что является трусом. Он боялся очень многих вещей, в том числе и боли. Только страх испытать ещё большую боль, лишиться ума или и вовсе умереть – а сей страх превосходил остальные – мог заставить его добровольно идти на риск и постоянно подвергаться избиению. Он видел пустые места вместо вырванных зубов, которые без особого желания выставляли напоказ его соседи, видел содранные ногти, поломанные и неправильно сросшиеся пальцы, следы от порезов, ожогов и другие травмы.

Писарь понимал, что всё это, тем более растянутое на долгие дни, циклы, а быть может, и сезоны, ведь некоторые могли жить здесь уже очень долго, не убьёт его. Мучители не были убийцами в прямом смысле этого слова, у них имелась иная цель. Некоторые из них не могли зваться и мучителями: выполняя роль стражников, они лишь терпеливо прогуливались между рядов, раздавали еду и воду, не выражая собственного мнения. К сожалению, встречались и те, кто упивался страданиями и искренне ненавидел представителей знати. Именно из-за последних писарь едва сдерживался, чтобы не начать выть и скулить, как только к нему подходили.

Да, Арло почти был уверен, что выживет, но непрекращающаяся боль станет его вечным спутником. Он осознавал, что куда менее вынослив, крепок и самоуверен, чем сосед по другую

сторону, тот самый мужчина, что теперь являл собой скорее человекоподобное полуразумное существо. Арло боялся, что всего после одной прогулки за Врата Бездны и от него самого не останется совершенно ничего. Только тело, может, и не столь изуродованное, как он себе представлял, но лишённое души.

Всё время, пока Винсента терзали, писарь страдал от страха и постоянно вертелся в своей клетушке, не в силах найти себе места. Он уже научился жить в ней, но в тот момент чувствовал себя как в самый первый, самый страшный день, который теперь не забудет никогда. Решётки стали казаться ещё более грязными и шершавыми, пол стал холоднее и твёрже, вода ещё более вонючей, а прогуливающиеся культисты – ещё свирепее.

Флейм всё думал, что зря поддержал юношу с севера, что не должен был идти на поводу у глупого молодого лорда. Он считал, что, может быть, веда он себя правильнее, разумнее, то Винсент, не найдя поддержки, успокоился бы и сейчас продолжил сидеть здесь, за решёткой, рядом, а не страдал за той дверью. Сомнения были для Арло привычным делом, он редко отстаивал свою точку зрения, и многократные повторения могли запросто убедить Флейма почти в чём угодно. С каждым днём уверенность и без того легко принимающегося во всём сомневаться писаря Дэйбрейка лишь таяла.

Виллингпэриша вернули спустя несколько часов – тот пребывал в сознании, но выглядел ошеломлённым и совершенно потерянным. На вопросы Арло Винсент начал отвечать лишь ближе к ночи – так называли пленники время, когда их надзиратели отправлялись на боковую, к лекарю никого не водили, и порой получалось даже довольно продолжительно пообщаться через решётки с другими пострадавшими.

Лицо лорда Винсента выглядело изрядно распухшим, его нос завалился набок, а вокруг рта, особенно на подбородке, засохла кровь. Когда сосед взялся за решётку, разделявшую двух дураков, что понадеялись избежать страшной участи, писарь увидел, что на нескольких пальцах не хватает ногтей, а на другой руке красовались свежие порезы и ожоги.

Одеяния юноши были перепачканы и окровавлены ещё до похода к мучителю, но теперь вдобавок намокли. Оставалось только гадать, прибавилось ли свежих пятен, и Арло думать не желал, что скрывается теперь под ними. Ум у писаря был неплохим, он раз за разом подкидывал картины, и, как бы мужчина ни прогонял их, легче не становилось.

На шее лорда Виллингпэриша отчётливо просматривалась толстая сине-алая полоса, местами запёкшаяся по её краям кровь пугала более, чем лицо подвергшегося страданиям. Арло понимал, что юношу либо привязывали и он самостоятельно повредил себя, либо душили, либо, что казалось ещё более страшным, и вовсе вешали. Зачем? Лекарь творил то, что хотел, и никто не мог понять предела его безумию и ненависти к знати.

– Арло. – Лорд позвал писаря тихо, но требовательно.

Флейм и без того смотрел на Винсента, однако тот либо плохо видел заплывшими глазами в свете факелов, либо хотел убедиться, что привлёк к себе внимание.

– Арло. – Винсент шептал, его произношение стало намного хуже, казалось, он вдруг начал как будто пропускать слишком много воздуха. Может, ему выбили зубы? Писарь не мог разглядеть, а сосед намеренно прикрывал рот рукой, на которой красовались новые раны. – Решено – завтра нас повезут отсюда. Завтра мы должны отправиться навстречу другим культистам, к братьям и сёстрам – так сказал один из них. Я не знаю, что нас ждёт по пути, но мы покинем эти клетки!

– Ничего хорошего не выйдет из этого... Ничего! Ты сам говорил про ритуал, про то, что нас всех ждёт гибель. – Писарь тоже уже привык разговаривать шёпотом. Наверное, если он выберется живым, то долго не сумеет заставить себя перейти на нормальную речь. – Неужто ты забыл? Винсент, если нас повезут куда-то, значит... Значит, скоро нас захотят убить! Не просто так нас убивают сейчас. Ты не понимаешь, что значит наша поездка? Мы надоели им, и они хотят нас отдать своим друзьям-культистам, для которых нас и готовили. Ты же мне

сам всё это поведал! И тогда нас ждёт мучительная смерть. Смерть! Нет, я не хочу умирать, уж лучше жить так, чем не жить никак.

– Ты согласен жить вот так, лишь бы не умирать?

– А ты нет? Какой смысл в смерти? Ты перестаёшь существовать. – Арло приблизился к решёткам и посмотрел в сторону беззубого не-человека по другую сторону. Тот глядел перед собой и возил кусочком соломы по камню. – Ещё хуже, чем стать вот таким.

– Нет уж, смерть – это избавление! – категорично заявил Винсент. Последнее слово прозвучало с небольшим шипением, ему определённо что-то повредили.

– Ты мало пожил и мало повидал, в тебе говорит только твой нрав, потому ты считаешь, что куда благороднее умереть. Ты не прав. Жизнь одна, нет никакой потери более страшной, чем жизнь.

– А честь? А достоинство? Вера? А семья и возлюбленная?

– Если ты лишишься жизни, то в любом случае потеряешь всё это. Все радости тебе даны, чтобы ты мог ценить пребывание в этом мире, и если ты умрёшь, то так или иначе больше не сможешь наслаждаться обществом возлюбленной, быть в кругу семьи или бахвалиться наличием достоинства и чести перед другими.

– Зачем жить, если никто не любит и не уважает?

Арло встретил совсем другого лорда Виллингпэриша.

Тогда перед Флеймом предстал яростный воин, храбрейший юноша, мудрый и смелый, сильный, уверенный в своей правоте, неугомонный. Несмотря на большую разницу в возрасте, именно северянин проявлял желание идти вперёд и вёл за собой. Теперь же, всего после одного пребывания за Вратами, он вдруг стал совсем иным, и это ничуть не уменьшало страха писаря, скорее наоборот.

– Что же с тобой там сделали? Винсент, я не могу поверить, что за несколько часов ты стал таким... Иным. Не могу! Ох, а что я? Что же они сделают со мной? Я перестану существовать, я лишусь разума и... И я стану как он! – Писарь повернулся в сторону ничего не соображающего покорного соседа. Тот уже сидел в одной позе не один час. Теперь он держал в каждой руке по пучку соломы, смотрел то на один, то на другой, изредка улыбался непонятно чему и пару раз что-то промычал.

– Ты же сам сказал минутой ранее, что это лучше, чем смерть, – напомнил приятель и сосед.

– Да, но... Но я не хочу становиться таким.

Собеседник Флейма шумно вздохнул и замолчал. Арло почувствовал укол совести – Винсент, молодой, совсем юнец, провёл здесь больше времени, вынужденно наблюдая за всем; терпел, давал советы взрослому мужчине и поддерживал его, относясь с пониманием и уважением к трусу, и ни разу не укорил за проявление слабости. Разумеется, для лорда, что всего год как считался достаточно взрослым, чтобы самостоятельно править, не нуждаясь в наместнике или регенте, плен культистов был чересчур. А уж пытки и издевательства, которые он был вынужден переживать за Вратами Бездны, сводили с ума опытных и сильных воинов с родных земель Арло, не то что почти привыкшего к комфорту северянина.

– Винсент, прошу, прости меня. Мне жаль, что я был груб. Я не должен.

– Ничего. Я понимаю. Я заслужил это, и ты сделал всё верно. Я не должен был раскисать и мечтать о смерти. Все те, кого забирали, потом начинали думать об избавлении и пытались убить себя. Я клялся, что не стану таким и никогда не сдамся, и чуть было не нарушил свой обет. Я благодарен тебе за помощь, Арло. – Брат по несчастью, что стал другом и поддержкой, улыбнулся. Поскольку Винсент убрал руку от лица и ничего страшного Арло не заметил, то он предположил, что сделали что-то с зубами нижнего ряда или с теми, что скрыты от глаз и располагаются по краям челюстей. А может, их и вовсе не трогали.

– Я рад, что тебе лучше. Силы продолжать жить появились?

– Да. Да, более чем. Настолько, что завтра, – юноша склонился к решётке ближе, – мы сбежим.

– Что?! Ты, верно, лишился ума! Нас схватят и подвергнут пыткам ещё более страшным, чем мы можем себе представить! А если... Если нас убьют?

– А если нас не схватят и мы спасёмся? – Винсент сощурился, он сжал в кулак ту руку, где имелись отметины. Поморщившись, юноша тем не менее не стал разжимать ладонь. – Довольно терпеть, нам пора сражаться за свою жизнь и что-то менять! Когда, как не во время похода, нам бежать? Здесь много людей, таких же как мы, намного больше, чем культивистов. За всеми не уследить, решёток нет, вокруг поля и леса, будет где укрыться... Мы сумеем!

– Нет. Нет-нет-нет! – Флейм потряс головой. – Забудь об этом и более никогда даже не заикайся! Это слишком опасно!

Арло был настроен категорично. Он даже отвернулся от собеседника. Страх сковал его сердце при первых же словах о побеге – ещё пока писаря вели в новый дом, то предупредили, что его ждёт такая расплата за любое неповиновение, что после он перестанет чувствовать себя и лордом, и мужчиной, и человеком. Когда Винсент изъявил желание вырваться на свободу, воображение Арло рисовало ему не прежнюю жизнь, не друзей или отца, не Дэйбрейк и родные покои, не поляны и прекрасную подругу детства, а наказание. Он представлял, как культивисты ловят его, возвращают в сырой подвал и начинаются самые жуткие дни его жизни. О подробностях он старался не думать.

– Мне тоже страшно, – прохрипел за спиной Винсент. – Это нормально – бояться. Даже самые опасные хищники в наших лесах испытывают страх. Но ненормально из-за этого страха ничего не делать и смиряться с участью. С неминуемыми страданиями и гибелью.

Писарь продолжал разглядывать пол перед собой и молчать.

– Если ты ради себя боишься рискнуть, рискни ради меня. Я уверен, что и твоя семья ждёт тебя дома. И ты тоже не трус, ты не можешь отойти от пережитого и всё это для тебя ново. Для меня было так же.

Арло вновь ощущал, как уверенность в правильности собственных действий постепенно сходит на нет. Из-за его страха юный лорд может и не решиться на побег. Или, наоборот, решится и что-то не учтёт и, следовательно, потерпит поражение.

– Я не справлюсь без тебя. – Виллингпэриш смотрел на приятеля не отрываясь. Он сверлил мужчину взглядом, и писарь не знал, что ответить. До тех пор, пока не услышал голос самого обыкновенного мальчишки. Ребёнка, только ступившего на путь взрослой жизни, не успевшего набить шишек и попавшего в чудовищные обстоятельства. Того, кому требовалась поддержка, того, кто боялся, хоть и скрывал это всеми силами. – Пожалуйста, Арло...

– Ладно. Хорошо. Хорошо, я помогу тебе.

– Ты сбежишь вместе со мной?

– Да.

– Я знал, что могу на тебя рассчитывать. Я расскажу, что мы сделаем, но мне нужно немного подумать...

Лорд Винсент Виллингпэриш сдержал обещание и разработал план побега. Арло же никогда не занимался ничем подобным, разве что лишь в самые юные годы, когда сбегал за крепкие и безопасные стены замка со своими друзьями или освобождался из-под опеки родителей и норовил полазить по недостроенной части крепости. Но и в десять, и в шестнадцать лет всё выглядит иным, каждый мнит себя бессмертным, и страхи – это лишь непонятные, но осязаемые эмоции. Чаще всего их можно почувствовать, но невозможно понять и дать логическую оценку. Но потом страхи становятся лишь сильнее, так как кроме домыслов о том, что может ждать впереди, человек приобретает достаточно знаний и опыта, чтобы на самом деле понимать. Чтобы предполагать, каким будет окончание пути.

Разумеется, пленники понимали, что их ждёт лишь два исхода – либо получится бежать, либо нет. Винсент думал только о положительных моментах и заявлял, что даже если их схватят, то надо пытаться снова и снова. Но Флейм не мог перестать опасаться, что даже если беглецам будет сопутствовать удача, то в неизвестной местности, на землях, что принадлежат одному из лордов, имени которого они не знают, без денег, одежды, еды, без всего, уставшие и не умеющие ничего полезного для выживания, воспитанные как знатные люди, пленники Культа Первых могут и пропасть. Им придётся очень туго. Возможно, не лучше, чем в клетке. Кто знает, не ожидает ли их в конце пути точно такая же, а может, и более мучительная смерть от болезни или голода?

Про то, что может ожидать беглецов, если их всё же поймают, думать и вовсе было страшно. А уж о последствиях второго неудачного побега – и подавно. Но вассал Холдбистов заражал уверенностью, неустанно твердил о несостоятельности другого варианта развития событий и не желал предполагать, какие опасности могут встретиться на пути.

Арло оправдывал себя желанием присмотреть за юнцом. Писарь верил, что пережил бы плен. Верил, что смог бы рано или поздно убедить культистов отпустить его. А ещё Арло считал, что его пленители так или иначе работают на кого-то из знати, которая их обеспечивает, а значит, шанс договориться возрастает. Вот только Винсент один не справится ни в коем случае, и бросать его нельзя. Исключительно желание помочь, а не стремление следовать, куда ему укажут, дабы не брать на себя ответственность, помогло выбрать путь – так повторял себе Флейм.

Спустя два привала, во время которых можно было обсудить план, Винсент продемонстрировал украденный у культистов нож. Клетки остались далеко позади – в день, когда приятели собирались бежать, всех пленников крепко связали и вывели на улицу. Рабы, в том числе и Флейм, жмурились, морщились, закрывались руками от слишком яркого солнца на протяжении пары часов, не меньше. В подвалах крепости – при удалении от старого места обитания Арло удалось рассмотреть строение – было темно, лишь по паре факелов с каждой из сторон освещали пространство круглые сутки. Порой, когда стражникам надоедала полутьма, они зажигали оставшиеся факелы – между клетками с обеих сторон проходов, на расстоянии четырёх шагов друг от друга. Но даже это не могло сравниться с полуденным солнечным светом.

На некоторое время мужчине показалось, что он ослеп. Он махал перед собой связанными руками, пытался прощупать ногами путь и тихо стонал от непередаваемых неприятных ощущений в глазах. В нос ударила волна свежего воздуха, вдруг ставшего неприятно-кусачущим. Ощущение покалывания и желание чихать быстро сменились радостью, но в первые минуты и даже часы писарь хотел вернуться обратно.

Лёгкий ветерок трепал спутанные пряди, из-за чего кусочки соломы начали высовываться из них. Запахи травы, поздних цветов и лошадей наполнили всё существо Арло. Он чувствовал себя недавно родившимся щенком – вокруг столько всего нового и интересного, всего, что очень хочется изучить. А ещё вокруг таилась опасность, он знал это, но не мог её разглядеть.

Культисты не стали дожидаться, пока их подопечные придут в себя. Изначально было решено привязать верёвки от рук пленников к лошадям и таким образом транспортировать их. Несколько человек у каждой лошади и несколько, что должны были идти за телегами, к которым тоже тянулись путы. Прекрасному плану было не суждено сбыться – ослабевшие от заточения несчастные сбивались с шага, падали без сил, выдыхались и не думали ни о чём, кроме своей усталости. Арло был одним из первых.

Да, таким образом культисты могли обезопасить себя от попыток побега, ведь измотанным до полубоморочного состояния людям некогда было переговариваться. Тех, кто вёл себя совершенно неразумно или был слишком слаб, связанными бросили в телеги.

Спустя всего пару часов стало понятно, что таким образом Культ Первых будет добираться очень долго, если и вообще сумеет куда-то продвинуться.

Утомлённые жертвы душевнобольного лекаря, побывавшие за Вратами Бездны, перепуганные пленники, которых морили голодом, женщины, подвергшиеся избиению и насилию, – эти люди не могли долго идти, а некоторые и передвигаться вообще. Даже боль от падений и волочения по земле не могла заставить их встать.

Наконец, боясь лишиться лордов, леди, Говорящих, вождей и воинов – всех тех, кого они с большим трудом отлавливали, культисты погрузили пленников на телеги и к каждой куче тел отрядили надзирателей. Удача, как подумал Арло, улыбнулась им с Винсентом – они с северянином оказались в одной повозке. В соседях им досталась девушка, молчаливая и напуганная, за всё время она не издала ни единого звука и только таращила глаза от каждого лишнего шума и движения. Ещё одним спутником был мужчина средних лет с земель Арло. У темнокожего сохранились некоторые рисунки на теле, те, что нанесли, вдавливая краску в кожу кончиком иглы. Некоторые из них выглядели словно новые, а другие были затёрты и перекрыты шрамами от порезов и ожогов. Испорченные символы, что являлись оберегами, должно быть, подкосили воина более всего – Флейм уже слышал о подобном явлении.

Коренные жители новых земель нередко привязывали вождей или великих и знаменитых воителей из противостоящих племён к столбу, прилюдно распарывали кожу посередине рисунков, раздвигали её в стороны и либо так пришивали, либо прижигали, чтобы более она не срослась. Особо озлобленные вырезали кусок и бросали в костёр. Это лишало духа всю общину, и боец, особенно вождь, даже если выживал, мог лишиться ума и с тех пор считался недостойным занимать высокое положение в обществе. Имелось множество ритуалов, чтобы вернуть себе расположение, все они были связаны с рисками, мстостью и жестокостью, что не нравилось писарю, однако совершенно не останавливало оскорблённых. Он имел удовольствие узнать пару подобных людей.

Первой ночью Арло не решался даже думать о побеге, предполагая, что недруги могут всё прочитать по его лицу, и потому пролежал ничком, стараясь не привлекать к себе внимания. Винсент же постоянно пытался подобраться ближе к мужчине, что сидел на козлах и выкрасть у него оружие. На второй день ситуация сложилась даже лучше, чем можно было рассчитывать.

Месторасположение телеги во время стоянки, отошедшие неизвестно куда надзиратели, тёмная ночь, безлунная, шумная из-за птичьего уханья и ссоры культистов у центрального огня – всё словно специально совпало именно так, чтобы побег свершился. Арло ещё больше ощущал страх, чем все дни до этого, но превосходное стечение обстоятельств не укрылось от его приятеля.

Каким образом они освободились, Флейм не понял. Он помнил, что предлагал бежать и темнокожему воителю, но тот был сломлен и боялся не меньше, чем писарь. Пришлось бросить земляка. Затем беглецы умудрились вылезти из телеги и добежать до леса незамеченными, но тут духи перестали выравнивать перед пленниками культистов дорогу. Незнакомый коренной житель родины Арло тоже возжелал выбраться – он вывалился из телеги со связанными руками, шлёпнулся и додумался закричать вслед бывшим соседям на своём языке, умоляя о помощи. Если раньше был шанс, что культисты не заметят побега ещё какое-то время, то после этого...

Арло запаниковал, предложил вернуться, пока имеется возможность, но Винсент упорно тащил его за собой, не давая даже поразиться, откуда в не особо крупном, длинноносом и истерзанном юноше столько сил. Здоровые и подгоняемые злобой враги устремились следом за двумя лордами. Северянин, вероятно, должен был бросить спутника и бежать быстрее, а уж после того, как Флейм зацепился за корягу и подвернул ногу, и подавно. Спустя время Арло понимал, что всё испортил, но в тот момент мужчиной завладело отчаяние. Он вцепился в брата по несчастью с силой, которой можно было лишь позавидовать.

– Не оставляй меня! Винсент, мне страшно! Не бросай меня. Не отдавай... им. – Флейм цеплялся за ногу соратника и не сразу понял, что по его щекам стекают слёзы.

– Да поднимайся же ты! Скорее! – Юноша крепко схватил Арло за шкирку и попытался поднять.

– Я не могу... Ох, нога, я не могу! Нет, не оставляй меня одного!

Флейм всегда твёрдо знал, что поведёт себя правильно в опасной ситуации. Он верил, что не позволит никому и ничему лишиться его человеческих качеств и никогда не считал себя эгоистом. До того дня. Погоня и страх расправы открыли в его душе совсем не те грани, которыми следовало бы гордиться.

Култ Первых оказался быстрее. Винсент так и не смог избавиться от мёртвой хватки Флейма и был вынужден принять поражение, пусть и продолжил яростное сопротивление до тех пор, пока ещё имел возможность двигаться. Лишь шквал ударов по лицу заставил его взвыть и ненадолго замереть, лёжа на земле.

Обоих пленников наконец скрутили, пнули пару раз в назидание и потащили обратно, в лагерь к центральному костру. Арло надеялся, что на этом наказания закончатся, однако, когда вперёд вышел старый знакомый Роул, писарь зажмурился от страха, за что получил ещё один пинок.

Человек, прибывший со свитой лорда Вихта Вайткроу, хмурился. Его штаны, кое-как зашнурованные, держались на честном слове, а незастёгнутая и накинута на обнажённый торс кираса свидетельствовала о том, что главаря разбудили и он только вскочил. В прорезях посередине груди виднелись шрамы, и писарь, сосредотачиваясь на них вместо заросшего тёмно-русыми волосами широкого лица с гримасой злости, подумал, что теперь сам не отделается столь незначительными и малочисленными белыми неровными полосками.

– И кто же из вас двоих придумал испортить нам всем столь долгожданный отдых и бежать? Ваши жизни, как и жизни всех остальных жителей, принадлежат Истинным правителям. Вам выпал редкий шанс послужить всем на благо, а вы...

Винсент по-прежнему пребывал в ярости. Его уже не раз пытались остудить, однако юноша продолжал сопротивляться и извивался изо всех сил. Подобному рвению можно было только позавидовать. В любой иной ситуации. Северянин смотрел на Роула с нескрываемыми ненавистью и дерзостью, за которые мог впоследствии поплатиться.

Глава лагеря достал длинный кинжал – Арло думал, что он предназначался Виллингпэришу, но мужчина проследовал к писарю. Остановившись в полшаге, так что в нос оказавшемуся на свежем воздухе лорду ударил запах пота и какого-то кислого алкоголя, враг принялся играть с оружием, помахивая остриём в опасной близости от лица Флейма.

– Ты. – Роул указал на Арло кончиком ножа. – Я уверен, что ты мог помутить разум мальчишки и потащить его за собой. Ты и есть виновник. Бунтарь, которых я ненавижу.

Арло замер. Ему казалось, что стук сердца разносится по небольшой полянке, радует слух недругов и они начинают смеяться. Он едва заметно покачал головой, отрицая сказанное, но Роул этого либо не заметил, либо специально продолжил пугать. Остриё уткнулось в щеку, проткнуло кожу. Главарь провернул клинок и тот проковырял дыру, после чего двинулся вверх, царапая скулу. То ли от страха, то ли от усталости, писарь почти ничего не почувствовал. Больше всего он опасался, что ему проткнут глаз.

Боль медленно доходила до Флейма, но куда быстрее его настиг страх. Когда по коже покатались капли крови, писарь ощущал это как настоящий поток, представлял, что теперь его лицо раскроили до кости, разрезали пополам, и мелко задрожал. Слёзы обожгли щеку. Арло дёрнулся, стоило Роулу приблизить своё лицо ещё больше и скривиться в усмешке. Лезвие остановилось у уголка глаза, и у писаря задрожали губы.

Ситуацию спас северный лорд.

– Оставь его в покое, урод, это я всё устроил! Я украл нож, я придумал план, я подговорил его бежать и тащил за собой. Он не хотел, а я заставил. Это всё я.

– Он говорит правду? – Кинжал чуть отодвинулся от кожи, но всё ещё смотрел на лицо писаря. Флейм усиленно закивал и громко вдохнул.

Спасать юнца, который и без того подверг его опасности, и врать человеку, который может за ложь наказать сильнее, чем за побег? Нет. Арло писарь, он всегда был обычным человеком, он не герой, не мужественный спаситель человеческого рода, не рыцарь и не воин. Его оружие – это слова, чернила и папирус, он способен одолеть только невежество и безграмотность, но никак не превосходящих силой и числом противников. Книги никогда не давали ему сдачи и не могли лишиться глаз, книги не угрожали ему и не лишали еды. Книги не могли отправить его на дыбу или решить четвертовать.

Арло не был готов к тем проверкам, что заставила его проходить судьба.

– Я не слышу – врёт он или говорит правду?

– Правду. Говорит правду. – Писарь не узнал своего голоса – тихого, с повизгиванием, отвратительно хрипящего. Первое слово он и вовсе сумел произнести только дрожащими губами.

– Значит, наказание ждёт именно его. Оно должно послужить примером для других, показать, что шутить с нами не стоит. Да не переживай, убивать никого из вас мы сейчас не намерены. Придумаем что-нибудь поинтереснее!

Раял

«Проклятый король! Проклятый король! Да будет вечным правление Проклятого короля! – скандировал всюду народ Глейгрима. – За Проклятого короля! За вечное царство Проклятого короля!

Раял стоял на холме, окружённом со всех сторон войском Глейгримов. Стены Кеирнхелла высились на небольшом отдалении.

Крики, доносившиеся, казалось, со всех сторон, воодушевили бы кого угодно, но Глейгрим лишь сосредоточился, углубляясь в мысли.

Поначалу люди предпочитали бежать с его земель. Едва прослышав про мертвецов, они собирали вещи – только то, что могли унести на себе, – и спешили прочь, к врагам лорда, к его соседям или ещё дальше, на самый юг. Север их не прельщал: холода, выюги и не любящие лишних гостей подданные Холдбистов нравились народу не больше, чем поднятые Раялом. Ещё хуже дела обстояли с теми, кто успел не только услышать, но и лично увидеть неживых.

В один миг всё изменилось. Уже смилившийся с потерей людей и тем, что теперь он будет править лишь верными слугами, Глейгрим начал слышать вокруг себя совсем иные речи: народ заговорил о том, что их правитель силён и опасен. Более того, люд теперь стремился привлечь к дару лорда как можно больше внимания, часть неустанно следовала за хозяином мёртвых и извещала о его приближении каждого встречного.

Раял не понимал столь стремительно изменившегося настроения, хоть и принимал его с должным уважением.

Командующие считали, что всему виной победы в последних битвах и речи Глейгрима, в которых тот пояснял, что мёртвые нужны для того, чтобы не рисковать живыми. Немалую роль сыграли и близкие лорда – Эттен только и делал, что писал письма, длинно и витиевато разъясняя Ветвям, чем хорош Проклятый король как таковой и в чём заслуги самого Раяла. Верная супруга вместе с Эролхапом в Этернитифелле, Олира в Оффелхолле, командующие, состоящие на службе уже не менее десятка лет в других замках и крупных городах, по совету Эттена выходили к людям и поясняли преимущества воскрешения мертвецов. Правителя восхваляли и боготворили, чем всячески добавляли ему известности и качеств, большая часть которых к правителю не имела никакого отношения. Вероятно, совместными усилиями его родня и приближённые добились желаемого результата, но Глейгрим не очень верил, что настроение народа не переменится вновь.

Путь до земель близ Кеирнхелла занял совсем немного времени, однако этого хватило, чтобы дожидаться войска Робсона Холдбиста, ещё более воодушевить народ, совершенно ничего не делая для этого, и продумать стратегию ведения боя. С новыми союзниками победа замаячила на горизонте.

Главными противниками для Глейгримов стали теперь не Флеймы, а Бладсворды, ведь с тех пор, как Великие рода лишились рыцарей и, следовательно, превосходных командующих и приученных к войнам и сражениям людей, лишь у лордов восточных земель остались люди, имеющие достаточно подготовки. Прирождённые воители – ползли слухи, что все лорды и леди рождаются с оружием в руках, – были опасны. Под руководством Мортонна, который потерял свои главные качества – преданность и рассудительность, – за что уже давно был горячо нелюбим многими родами, это делало их непредсказуемыми. Кто знал, быть может, в следующий раз Бладсворды найдут третью сторону и предадут и Флеймов, а быть может, и вовсе возжелают заполучить земли союзников или противников себе и перебить всех переживших бой.

Ранее безупречная репутация главных сторонников короля, некогда ставших лордами не из-за своего величия, а исключительно из-за умения быть верными и держать слово, пошатнулась. Образ благородного бойца, такого рыцаря и воителя, одетого в бело-серые одеяния,

символизирующие чистоту помыслов, свет в душе и единство со всем королевством, от землеша до короля, подпортился.

Слухи достигали ушей Раяла и в некоторые из грязных сплетен, как бы ни было противно, пришлось поверить. Восток продолжал гнить с головы, в то время как Глейгрим, напротив, возвращал своё влияние.

Бладсворды выстроились перед крепостью, а два малочисленных войска Флеймов, насчитывающих от силы по три сотни человек, стояли по краям. Раял предположил, что либо готовится очередная ловушка, либо дополнительные резервные силы прячутся за стенами. Разумеется, в этом действии имелась логика – в самый неподходящий и неудобный для Глейгримов момент спрятанные от глаз войска могут выступить. А может, людей оставят в крепости, чтобы в любом случае не отдавать её до последнего.

Возможно, лорд-правитель видел всех врагов и зря ожидал подвоха, не стоило исключать и подобного развития событий, вот только что-то подсказывало новому Проклятому королю, что стоит быть наготове.

Позади всей армии недругов, окружённый многочисленными отрядами, на высоком гребне жеребце восседал человек, разодетый в оранжевые одеяния. Его яркий плащ развевался на ветру, то и дело складываясь на одну сторону. Стоящий рядом, вероятно, паж, поправлял подол. И пусть лица с такого расстояния Раял рассмотреть не мог, Зейир Флейм был легко узнаваем.

– Почему он прячется за спинами? – спросил Робсон Холдбист. Вместе с лордами Андерхэдом и Эйджлессом он сопровождал Раяла и стоял во главе своих людей.

– Полагаю, что он хочет жить. Так же, как и мы, – ровным и холодным голосом пояснил Раял. Он не смотрел на вассалов и союзника, наблюдая лишь за тем, как слуга в очередной раз ловит край оранжевого полотна. В это время года на возвышенности, где стоял Кеирнхелл, часто гуляли ветра.

– Но мы не скрываемся у самых стен, за многими тысячами людей! Если он столь храбр, чтобы участвовать в войне и переманивать на свою сторону лордов, а ещё предлагать им отвратительные своей ничтожной трусостью коварные обманы, то должен найти в себе силы вести свой народ. Он должен ехать первым, во главе войска, и показывать всем пример достойного правителя. Возглавлять, а не прятаться, подобно... Подобно трусу!

Младший из сыновей лорда Холдбиста, последний оставшийся в живых отпрыск Рогора, был юным и очень отличался и от Хагсона, и от Верда Флейма. Молодость, граничащая ещё с детством, отчётливо прослеживалась в Робсоне. Разумеется, он являлся достойным представителем своего рода, и, как и другие северяне, в силу расположения подвластных им земель был вынужден быстро крепнуть и матереть и потому телом напоминал мужчину. Когда оба лорда стояли на земле рядом, невысокий Глейгрим смотрел на союзника снизу вверх. Приятное глазу лицо, вроде бы правильное, породистое в лучшем смысле этого слова, тёмные волосы и зелёные глаза, столь привычные роду Холдбистов, а также статность и громкий, предназначенный для командования голос Робсон унаследовал от отца семейства. Внешне он напоминал прославленного и хитрого северянина, был почти полной его копией. Разве что Ротр, не так давно погибший на юге, походил на Рогора немного больше. Впрочем, возможно, через пару-тройку лет последний выживший отпрыск, повзрослев, ничем не будет уступать старшему брату.

К сожалению, на внешности похожие черты заканчивались. Раял не знал, насколько близкими были отношения между Рогором и его вторым сыном, однако видел влияние матери. Наследник желал справедливости, толком не представляя её себе, верил в лучшие человеческие качества, не видел дальше собственного носа и казался чересчур наивным. Робсон думал о своей семье, искренне переживал о здоровье жены и новорождённого сына, а помогать Глейгриму решил лишь из-за просьбы своей добросердечной матушки. Леди Эббиана, тётя Раяла, желала сражаться за сына брата и делала это по мере своих скромных сил. Если требовалось,

леди действовала за спиной у мужа – отправляла припасы, передавала оружие, сообщала о каких-то пришедших от Флеймов новостях и совершала ещё многое из того, чего не следовало. Теперь же, когда лорд Рогор пропал, женщина недоумила сына в открытую отправляться на помощь.

Проклятый король пытался переубедить глупого юношу, объяснял, насколько это опасно, просил вернуться и даже приказал советнику зачитать указ регента о казни. Чтобы написанное дошло лучше, он отрядил глашатая читать данный указ родственнику перед каждым приёмом пищи вместо молитвы. Это не возымело никакого эффекта. Упрямец считал, что отплатить собственной головой за верное решение, если на то будет воля Богов, – его наипервейшая обязанность. Робсон оказался более чем набожным, чем весьма смущал и самого Глейгрима, и его вассалов, не признающих бесконечную власть Тринадцати.

Кроме того, Холдбист утверждал, что всенепременно сумеет убедить Его Высочество регента в праведности своих деяний, если в том будет необходимость. Как и все в подобном возрасте, наследник Холдбистов мнил себя сильнейшим героем. Он считал, что любые его поступки сыщут оправдание, а также, разумеется, представлял себя мудрейшим из людей, способным пояснить любое своё действие. На все разумные доводы он имел единственный аргумент, который звучал как: «Я и сам знаю, что делать, я уже взрослый».

Робсона нельзя было назвать нахальным, грубым или вредным, у Раяла не повернулся бы язык обозвать соседа глупцом, хоть и причислить к мудрецам Проклятый король молодого лорда не мог. Несомненно, северянин не был и высокомерным или избалованным. Он переживал в первую очередь за родню и беспрекословно слушался леди Эббиану. С каждым днём Глейгрим лишь убеждался: при всей схожести с Рогором, как только наследник северных земель открывал рот, то предо всеми представала тётушка Раяла – её нрав, её слова, её воспитание, её мысли и её неспособность понимать некоторые очевидные вещи. Для воителя и правителя Робсону дали чрезмерно женское воспитание.

– Мы скрываемся за армией мёртвых, милорд Холдбист, потому что желаем жить не меньше наших противников. – Называть Зейира врагом у Раяла не было и толики желания. Слово «враг» подразумевает, что о человеке постоянно думают, он должен влиять на настроение, вызывать сильные чувства. Флейм не был врагом в понимании Проклятого короля. – Строй из моих преданных пробуждённых слуг, что щитом стоит перед живыми, скрывает нас от неминуемой и бесславной гибели в первые же минуты сражения.

– Прятаться – недостойно! – со знанием дела заявил наследник лорда Рогора Холдбиста. – И мы тоже не должны быть здесь. Мы должны вести всех вперёд. Мы должны подавать пример своему народу, разве не так?

– Если мы умрём, то людям не за кем будет идти. Наша смерть сломит веру нашего народа, и никто не знает, чем тогда закончится противостояние. Представьте, милорд Холдбист, что будет, если погибнут правители одной из сторон? А если двух? А что станет с нашими землями, если те останутся без правителя? Не будет иметь никакого значения, на чьей территории останется одинокий народ – на стороне победителей или побеждённых. Без подданных ни один лорд не способен обойтись, но и подданные без правителя мало на что способны. Жизнь такова, и стоит помнить, что только знать имеет достаточно познаний и прав, чтобы командовать и принимать решения. Следовательно, она должна жить.

– Но... Но я читал много книг и всюду герои шли вперёд. Они вели войско за собой, а не стояли, как мы, на возвышении и не наблюдали за тем, как люди умирают за них. Если мы не будем для своего народа героями, то нас не станут уважать.

Подобные сказки никогда не нравились Проклятому королю, он не видел в них ни морали, ни пользы. Они ничему не могли научить юных лордов, кроме слепой веры в Богов и надежды на победу лишь из-за праведности и светлых целей. Хозяин Этернитифелла считал, что именно родители повинны в глупых смертях и неразумных поступках отпрысков, если

позволяют, или того хуже, побуждают тех знакомиться исключительно с добрыми историями, в коих правды меньше, чем совести у торговцев-моряков.

– А в тех книгах было написано, что ожидало лордов на поле боя, особенно в толпе? Как выглядели травмы, полученные при падении с коня или после удара молота? Показывались ли в тех книгах последствия встречи с топором? Быть может, хотя бы изображения бывалых вояк, получивших небольшой удар мечом по лицу, приводились рядом с описанием? – всё таким же привычно-прохладным тоном поинтересовался Глейгрим. Он оторвался от созерцания оранжевого пятна, чтобы взглянуть в лицо собеседнику, в глазах которого начала появляться мысль.

Робсон насупился, кротно взглянул в глаза соседа, почти сразу отвернулся и замолчал. Раял хотел верить, что тот задумался.

– Чего же мы ждём, милорд Глейгрим? Давно пора показать этим Флеймам, чего мы стоим! Они пожалеют, что решились пойти против нас! – воскликнул юный Эйджлесс.

Лорд Эйджлесс, добрый и преданный вассал правителя, занемог. Не в силах сидеть в седле, он отправил вместо себя брата Каяна и сына, и если более старший и опытный союзник руководил левым флангом, то присматривать за очередным юнцом стало обязанностью Раяла.

Присланный вассал был младше Робсона, не успел жениться и, может быть, ещё даже ни разу не возлежал с женщиной. Хотелось бы верить, что он не читал прекрасных романов о войне и сражениях и внимательно слушал своих учителей. Щуплый и бледнолицый юноша выглядел как человек совершенно неопределённого возраста – ему могли дать двенадцать, а могли и двадцать лет, когда тот молчал. И если бы Раял не знал, что у лорда Эйджлесса есть только один сын, то посчитал бы, что могла произойти ошибка. Сам лорд, его брат и дядя вызывали столь же противоречивые чувства. Главе Ветви давали и тридцать, и сорок, и пятьдесят, и долгое время даже для Раяла истинный возраст подданного был загадкой, пока лорд-правитель не обратился к летописям.

Как бы там ни было, но наследник не сумевшего приехать лорда не доставлял проблем. Он имел своё мнение и не смущался им делиться, однако во многом проявлял больше храбрости и разумности, нежели более старшие юноши. Эйджлесс уже успел освоиться с оружием, неплохо держался в седле и, что не могло не радовать, понимал, что бой означает смерть и увечья. Он не позволял себе открыто переживать, однако Раял случайно услышал его разговор с дядей. Правильную, в меру грубую, достаточно разумную и необходимую беседу перед первой в жизни битвой. Сам Раял в подобной не нуждался, но он вспомнил о Хагсоне, которому не хватало такого наставника и нужных слов.

Третьим спутником был ещё один юнец возраста Робсона – племянник лорда Андерхэда. Темноволосый, курносый, удивительно пухлый для привычных глаз сторонников Глейгримов и невероятно болтливый юноша с лицом, на котором отражалась каждая эмоция. Он превосходно управлялся с лошадью, не хуже, чем с собственным языком. Пока Раял наблюдал за Зейиром, а два лорда, нервничая, жались к нему, Андерхэд расположился немного поодаль и никак не мог перестать рассказывать весёлые истории из своей короткой, но яркой жизни командующим и сирам, что отказались покидать владения, ставшие домом, и правителей, ставших семьёй. Что-то из своих историй лорд явно выдумал и приукрасил, однако то и дело Глейгрим слышал короткие смешки.

Раял не знал, что думать про вассала и как правильно его называть.

Кем именно Андерхэд являлся – бесстрашным, бесстрашным глупцом или просто глупцом? Возможно, за разговорами он скрывал свои истинные эмоции? Ответа на это не было, но он единственный не показывал своего страха, кроме сира Миста Бессмертного, благо тот вызвался быть рядом с наследником Джура, и Раяла. Казалось, что сражение юнца вовсе не заботит, и он явился на турнир или праздник в честь короля, чтобы пощеголять в начищенных до блеска доспехах и посидеть верхом в мастерски сделанном седле на лучшем из родительских коней.

Раял чувствовал себя среди вассалов умудрённым опытом, сварливым и нудным старцем. Ему немного не хватало длинной бороды, хотя бы как у Эттена, и седых прядей в волосах. Когда-то Глейгрим полагал, что необходимость вести себя подобным образом возникнет не раньше, чем его дети будут готовиться выходить замуж или жениться. Но нет.

– Милорд Эйджлесс, я отправил гонца к лорду Флейму и представителям лорда Бладворда, чтобы последний раз предложить решить всё мирным путём.

– Мирным?! После всех их пакостей и убийств вы желаете идти на перемирие? Они уничтожили треть войска, убивали крестьян и обкрадывали их дома и погребя! Вы знаете, что они натворили в землях моего рода? – Малолетний наследник аж подпрыгнул в седле, и его бледные щёки чуть покраснели. Теперь ему можно было дать его четырнадцать, и юноша начал выглядеть более живым.

– Быть может, вы не подумали об этом, однако сражение принесёт нам ещё больше потерь. Каждой из сторон. Я предложил лорду Флейму три варианта решения нашего конфликта, а также сообщил, что имею большое желание переговорить с наследником лорда Дарона Флейма.

– О, милорд Глейгрим, вам так и не доложили о Файрфорте? – удивился Робсон. Андерхэд и Эйджлесс посмотрели на правителя.

– Что-то не так с Файрфортом?

– Он сгорел, милорд. Дотла. Боюсь, что лорда Верда Флейма постигла участь его отца. – Северянину следовало взять на себя обязанность сообщать все грустные новости, он прекрасно принимал скорбный вид.

Раял опустил голову. Он крепче сжал поводья, бледные руки побелели пуще прежнего, а глаза продолжили изучать гриву коня.

Разумеется, Проклятому королю не понравилось и то, что Холдбисты, располагавшиеся намного дальше от Файрфорта, более осведомлены о делах соседей, нежели Глейгримы, – вероятно, пришло время обзаводиться лучшими шпионами. Однако в данном случае Раяла куда более волновала судьба бывшего пленника.

Лорд-правитель в сознательном возрасте не научился заводить себе хороших друзей, если таковые не появлялись благодаря стараниям его родственников. Если задуматься, то и Мекул занял важное место в жизни правителя потому, что на это повлияли.

Раял успел привыкнуть к взбалмошному Верду, позволил себе привязаться к соседу и искренне стал считать того приятелем. Мужчина надеялся вскоре, после решения их распрей, продолжить доброе соседство, не обременённое взаимной ненавистью на протяжении последних четырёх, а может и более, поколений.

– Милорд, а что за варианты вы предложили? – От горестных мыслей правителя отвлёк лорд Эйджлесс. – Милорд? Милорд, вы опечалены сожжением Файрфорта? Мерзкие Флеймы получили то, чего заслуживали!

– Мы вернёмся к данной теме, когда вы поднаберётесь опыта. – Голос Раяла звучал куда более устало, чем обычно. Горечь и тоска не отпускали его, и лишь привычка не допускать проявления никаких лишних чувств помогла ему продолжать разговор. Это и немного судорога, сводящая напряжённо сжимающие поводья пальцы. – Я предложил обменяться землями – вернуть друг другу то, что принадлежало родам до войны с Дримленсами и последних войн столетней давности. Флеймам будет выгодно получить речной канал, чтобы вести более продуктивную торговлю, а я бы хотел вернуть замок предков. Кроме того, я предложил подобрать невесту для Хагсона, если тот всё ещё жив, и принять тот вариант, на который укажет лорд Флейм. Дабы более не иметь возможности для очередной ссоры, я предложил соседям вариант, при котором Хагсон перебирается в дом к новой супруге. Таким образом, он будет под надзором и более не сумеет оскорбить Флеймов, а если и умудрится, то казнь последует незамедлительно.

Второй вариант решения – переговоры, и, поскольку милорд Верд помог мне узреть, что у нас имеются общие враги, сделавшие всё для того, чтобы нас поссорить, беседовать я предложил перед судом Его Величества Ауруна Старская и Его Высочества Клейса Фореста. В присутствии также судей, писарей, высших рыцарей из Серого и прочих орденов, Гроссмейстера Санфелла и других представителей власти, коих посчитает нужным позвать сам лорд Флейм. Третьим же...

– Вы чрезмерно мягкосердечны, милорд Глейгрим! – не унимался всё тот же вассал из Ветви Эйджлесс. Поразительно, насколько могут быть кровожадны юноши.

– Третьим же вариантом, – Раял предпочёл не обращать внимания на то, что его перебили, в конце концов, каждый переживает по-своему, – я предложил менее кровопролитное решение конфликта – Бой Тринадцати.

– Бой Тринадцати? – Робсон, что почти не сводил взгляда с армии недругов, повернулся к союзнику. – А что это?

– Ранее таким образом, чтобы не нести лишних потерь, два лорда решали свой конфликт. По двенадцать бойцов с каждой стороны, среди которых всенепременно должны быть рыцарь или командующий, прославленный в миру воин; боец, что впервые применяет оружие в сражении, а не на тренировке; оруженосец любого из рыцарей, даже если тот не участвует в турнире; лорд – не имеет значения, тот, кто втянут в сложившуюся ситуацию или кто-то из его вассалов или союзников; крестьянин, что состоит на службе у лорда и любой ремесленник, достойный уважения. Чаще всего призывали кузнецов. В те годы, когда повсеместно использовался данный способ решения проблемы, каждая из сторон была обязана иметь также лекаря, он олицетворял сословие мудрецов. Остальные могут быть воинами, или рыцарями, или кем угодно.

– Какой в этом смысл? – спросил Робсон.

– А тринадцатый? – в это же время поинтересовался Эйджлесс.

– Считалось, что именно на такой союз Боги обратят внимание и вмешаются в поединок, благословят одну из сторон. А тринадцатыми выступают знаменосцы. Они стоят вдалеке от сражающихся и ждут окончания боя. По традиции победитель или победители, если выживших воинов одной из сторон много, отрубают знаменосцу голову и насаживают её на остриё песта со своим знаменем. Вмешиваться в сражение знаменосцы не имеют права, даже если понимают, что их сторона терпит поражение. Побег их означает позор для всего рода – и если не выдерживают нервы у знаменосца победителя, то это будет считаться поражением. Говорят, что именно в знаменосцах проявляется вся преданность народа и знать, не заслужившая верности одного человека, не заслуживает верности всех подданных.

– Очень жестокая традиция. – Робсон нахмурился. С его лицом, на котором по-прежнему проглядывались детские черты, это выглядело несколько несуразно. – Вы уверены, милорд Глейгрим, что ничего не напутали? Со знаменосцем в особенности.

– Ничуть.

Сын лорда Эйджлесса заинтересовался куда более, чем Холдбист, и даже показал свои навыки разумного мышления.

– А если убить вражеского знаменосца сразу? Об этом никто не подумал?

– Разумеется, подумали. Убивший знаменосца до полной победы незамедлительно будет признан проигравшей стороной.

– А вы не боитесь, милорд, – снова подал голос северянин, – что мы можем проиграть в этом сражении Тринадцати? У Флеймов, а особенно у Бладсвордов, есть очень сильные воины.

– Да, я осведомлён. Как и положено любому человеку, тем более мужчине, я опасаясь проиграть в бою и страстно этого не желаю. Именно поэтому я перечитал об этом поединке прежде, чем предлагать его в качестве варианта. Никто не упоминал, что воинами не могут быть мертвецы. Равно как знаменосцами, ремесленниками или крестьянами. С рыцарями и оруженосцами всё сложнее – обет даётся только до смерти.

- О, это очень хитро! – наконец-то пришли к одному заключению союзник и вассал.
– Эх... А если?.. – начал было Эйджлесс.

Разговор вынужденно прервался, когда к войску приблизился человек со знамёнами Флеймов. Он вручил что-то одному из гонцов Глейгримов и тот поспешил к правителю. Раял начал предполагать худшее, стоило лишь ему увидеть, что передали не послание, а обычный мешок для зерна. Он весь промок, приобрёл бурый цвет, и со дна его понемногу сочилась кровь. Скорее всего, основная часть успела стечь во время манипуляций с передачами от одного посыльного другому, но несколько сочных тяжёлых капель упали на землю и на обувь гонца.

Лорд мог бы попросить любого из окружения открыть мешок, однако предпочёл лично засунуть внутрь руку. Зейир вполне мог насыпать внутрь отравы, однако на свет Раял извлёк лишь отрубленную голову своего посыльного, того самого, что повёз письмо Флейму. К лицу бедолаги с левой стороны был припилен кинжалом клоч бумаги, перепачканный, с трудно разбираемыми словами, написанными неровным и очень размашистым почерком. Но Глейгрим понял, что значилось в ответе.

– Лорд Зейир Флейм провозгласил себя правителем земель и хозяином Кеирнхелла. Он предпочитает отказаться ото всех моих предложений. Полагаю, теперь пришло время. Выступаем!

Приказ правителя повторяли все командующие, передавая его дальше по цепочке. Казалось, что в низине, где стояло войско, на безопасном от лучников недругов расстоянии, вдруг появилось эхо. Голоса звучали отовсюду, они повторяли одни и те же слова, снова и снова, и речь волнами проходила по рядам. Всего за пару мгновений Раял почувствовал, как его сердце начало биться быстрее. Страх охватывал тело правителя, затуманивал разум, сдавливал грудную клетку и лишал контроля. Руки одеревенели, ноги перестали подчиняться воле Глейгрима, и появилось желание отступить, спрятаться за спины народа и не смотреть на вероятный проигрыш.

Лорд быстро привёл себя в порядок и прогнал страх, одними только губами произнеся слова недовольства. Привычка не поддаваться эмоциям в данный момент помогла Глейгриму. Порой она, по мнению приближённых, мешала лорду видеть некоторые важные вещи и проявлять человечность.

Мертвецы шли первыми и принимали на себя запас стрел, которые совершенно не пугали их, если не пронзали голову, – но об этом кузнецы Раяла позаботились в первую очередь, соорудив до омерзения некрасивые и кривые шлемы. У некоторых из них были погнуты края, часть имела заусенцы, пятна ржавчины, слишком толстые края или вмятины. Такие средства защиты не сумел бы надеть ни один из живых, и не только потому, что те давили и жали со всех сторон, скорее всего, царапая необработанными гранями кожу и рискуя занести заражение, но и имели совершенно закрытое пространство, кроме области глаз.

В шлемах не было отверстий для рта и носа, они не позволяли их обладателям поворачивать голову. Осмотр поля боя в одном из таких совместных произведений кузнецов и плотников, сумевших укрепить чуть ли не вёдра металлическими пластинами, можно было смело назвать весьма и весьма сложной задачей.

Олира, стоило леди увидеть творение рук недоучек-подмастерий, заявила, к слову, весьма верно, что если бы на верных слуг Раяла надели сундуки с прорезями, то даже такое зрелище не сумело бы сравниться своей убогостью с нынешним. Впрочем, мёртвые не нуждались в красивых нарядах, а Глейгрим, в отличие от родственницы, понимал, что массивность нового предмета гардероба имеет большую ценность.

– Проклятый король! Да здравствует Проклятый король! – услышал Раял, как только к нему вернулись слух и осознание себя в пространстве.

К тому времени первые шеренги врага были уничтожены, и Глейгрим двинулся вперёд, защищённый со всех сторон войсками. Лишь когда расстояние позволило, правитель вскинул руку, взывая к своему дару, и, как и задумывалось, поднял только что убитых. Мертвецы, украшенные гербами Бладсвордов и Флеймов, покорно вставали под знамёна Глейгрима, чтобы сражаться против своих бывших союзников и приятелей. По рядам людей с востока прошлись недоуменные вскрики, Хагсон бы наверняка принялся злорадствовать, но Раял лишь испытывал облегчение. Мёртвые снова ожили, жертвы войны получили шанс продолжать существование, а совесть правителя очистилась.

Тех из противников, кого успели ранить, но не умертвить, всех, кто стонал и страдал, мертвецы добили, следуя приказу правителя. Не только, чтобы у Раяла добавилось слуг, но и потому, что таким образом можно избавить людей от страданий.

На земле, начинаясь от невидимой черты, разделявшей войска Бладсвордов и Флеймов, виднелись непонятные мокрые следы. Они тянулись, насколько мог разглядеть правитель, почти до стоявшей у стен части вражеского войска. Возможно, это были какие-то неведомые ритуальные линии Великой Династии Флейм для защиты от соседей, быть может – символы Бладсвордов, а может, кто-то пролил воду, или масло, или что-то ещё... Раял не нашёл времени поразмыслить и не придал увиденному должного значения.

Зейир Флейм, вместо того чтобы отправить вперёд войска, чего-то ждал, и Глейгрим уже решил, что впереди искусно спрятанный ров либо другие замаскированные ловушки. Мертвецов ямы безусловно задержат, но не причинят особенного вреда, что бы ни задумал дядя Верда. Мысли о соседе, который, скорее всего, сгорел вместе со своим замком, бередили душу и снова и снова пробуждали в ней тревогу. Пока Раял прогонял не вовремя проявившиеся чувства, противник успел подняться на свой постамент и что-то закричать – ветер уносил его слова, а звуки сражения лишь оттеняли их, не позволяя разобрать.

Группа противников, вооружившись факелами, ринулась в разные стороны, Проклятый король не мог рассмотреть, что делают люди. Вскоре перед армией мёртвых вспыхнула стена из огня, невероятно быстро она вздымалась всё выше и выше – и Раял понял свою ошибку. Он вспомнил, что говорил Верд, вспомнил про сгоревший Файрфорт и то, что Зейир является близким родственником приятеля-Флейма, следовательно, вполне может походить на него не только чертами лица, но и даром.

Огненные стрелы посыпались градом. Невнятные крики Зейира сопровождали их, и мокрые следы на земле, на которые не стали обращать внимания, вспыхнули, не только окружив почти всю армию северян и Глейгримов, но и разделив её на четыре части.

– Отступайте от огня! Отступайте! Он не может его создать, но управлять им способен! – Раял махал своим людям и тщетно пытался докричаться до тех, кто стояли дальше всего. Те воины, что оказались проворнее и вовремя услышали предостережения лорда, а может, поддавшиеся опасениям, отступили, остальных же огонь сумел достать. Языки пламени метнулись к ближайшим целям, и живым, и уже не совсем. Для мертвецов оно также оказалось смертельным, они горели молча, не страдали, но от этого не становилось лучше. Раял словно снова умирал с каждым из них и горевал о кончине.

Крики, коими наполнилось поле сражения, терзали душу привыкшего чувствовать умиротворение Глейгрима, и он силился взять себя в руки. В который раз за день. В который раз у Кеирнхелла...

Люди отступали от границ, жались друг к другу, стараясь не выбиваться из плотно сбитой толпы и надеялись, что это поможет. Если кто-то падал, его тут же затапывали и использовали как ступень.

Огонь по приказу Флейма изгибался, вытягивался и, становясь похожим на хвосты плети, ударял по земле и людям под самыми немыслимыми углами. Сир Мист Бессмертный первым пришёл в себя, слез с лошади и принялся закидывать огненные полосы песком, землёй и всем,

что попадалось под руки. Этому же примеру последовали почти все в войске Раяла, благо стрелы до сих пор не могли достать их. Медленно, но верно они расчищали себе путь. Пока слишком узкий, чтобы сбежать и лишить Зейира возможности убивать, но с каждой минутой шанс выбраться из огненного плена лишь возрастал.

К сожалению, часть войска, которая двигалась сразу за мёртвыми, находилась на расстоянии выстрела, и даже когда люди сообразили, что можно сделать, чтобы освободиться, от них уже мало что осталось. Вражеские лучники не прекращали обстрела, и, несмотря на то что часть снарядов пролетала мимо, ломалась, пронзала уже мёртвые тела или меняла направление, из-за пламени лучше не становилось.

С левого и с правого флангов слышались ржание лошадей и истошные вопли – конница, вошедшая в самые маленькие из кругов огня, никак не могла извернуться так, чтобы не попасть под плети пламени, кони пугались и метались, спешившиеся люди, пытавшиеся устранить огонь, оказывались под копытами.

Раял сосредоточился на мёртвых, и его личная армия, безвольная и послушная, без страха и паники проделала себе путь и продолжила неспешное и неумолимое шествие. Лорд Зейир явно не ожидал подобного. Стоило мертвецам расправиться с очередной шеренгой противника, а Раялу, несмотря на пугающий жар рядом, поднять новых союзников на смену уничтоженным, огонь взвивался ещё больше. В какой-то момент правитель понял, что лишь несколько минут назад, когда он услышал испуганное ржание, его тревога переросла в страх, сильный, почти звериный. Именно это чувство повлияло на сознание, именно из-за него правителю показалось, что полыхает сама земля и эту битву уже не выиграть... Не бессмысленно ли было продолжать в таком случае? Что он сумел и сумел ли противопоставить всепоглощающему огню?

– Милорд, пламя меньше! Милорд, мы должны идти! – Мист Бессмертный тронул поводья коня Раяла, чтобы увлечь за собой правителя, но лорд и сам заметил, что огонь почти затух в один миг, позволяя его людям и подопечным Холдбиста пройти дальше и вырваться из плена.

Зейир Флейм в этот раз выглядел, мягко говоря, обескураженным. Да, лицо по-прежнему ещё плохо просматривалось, зато Раял заметил, как противник и его спутники с гербами Бладсвордов опустили руки и завертели головой. Проклятый король чувствовал нечто схожее, он последовал примеру, уже подозревая, или, скорее, надеясь увидеть, кто мог справиться с непосильной задачей и совладать с огненной стихией. Возможно, Глейгрим слишком рано решил похоронить приятеля?

Первым понял, куда надо смотреть, брат Дарона Флейма, а после уже и Раял. На низеньком холмике неизвестного происхождения – у Кеирнхелла и многих других крепостей нередко делали искусственные земляные конструкции для хранения чего-либо или для охраны территорий и проведения переговоров – стояло небольшое войско, явно насчитывающее не более пяти сотен человек.

Перед бесформенной серо-чёрной массой, в которую превращалось на таком расстоянии любое большое скопление людей в одинаковых одеждах и доспехах, сияло ярко-оранжевое пятно. Оно шевелилось.

Раял сощурил глаза, присматриваясь, и понял, что пятно приветливо махало руками.

– Ого, смотрите, там ещё один Флейм! – испуганно вскрикнул Робсон. – Это всё ловушка! Мы должны отступить, милорд, или нас ударят в...

– Да ничего он пока не сделает, у него и людей-то совсем нет. Другой вопрос – кто это и почему он машет? Подаёт знак? Кому? Зачем? Похоже на одеяния Флеймов, но кто ещё остался в живых? Крэйд? Он выбрал Ветвь Блэкбоу, разве нет? – поморщился наследник Эйджлесса.

– Нет, не он. – Раял чуть улыбнулся. Конь под ним перестал всхрапывать, пламя у его ног утихомирилось, и разбросанная солома лишь едва заметно тлела. – Я знаю кто. Это милорд Верд Флейм, правитель своей Династии.

– Но почему он машет? И кому?

– Нам. – Раял склонил голову, отвечивая яркой фигуре поклон. – Полагаю, ему очень понравилось в плену. Наступаем!

Тордж

Прославленный королевский рыцарь, заслуживший доверие своей преданностью и способностью размышлять, имел сразу несколько важных миссий, одной из которых, пусть и не основной, являлся привычный шпионаж на благо короля. Тордж неоднократно занимался подобными делами и с лёгкостью согласился.

Вести же целую армию, что являлось не менее важной целью, чем сбор информации, ему довелось впервые за пять лет. Мужчина из Серого Ордена, отправившийся по приказу своего друга-регента в качестве главнокомандующего, дабы предотвратить дальнейшие сражения Флеймов, Глейгримов, Бладсвордов и Холдбистов, должен был также доставить лордов к Его Величеству и Его Высочеству. Указы, подписанные Клейсом Форестом и заверенные королевской печатью на Совете, имелись у каждого командующего, шести рыцарей и двух лекарей. Регент пояснил, что это необходимо на всякий случай, а что под этим подразумевалось, понимал, пожалуй, каждый.

В качестве помощника, отвечающего за другую половину армии, сиру Торджу выделили рыцаря, который давно служил роду Форестов и жил в Гринтри, а в своё время обучался вместе с Проницательным сиром, – Цогвара Беззаботного. Этой встречи королевский рыцарь ждал куда более, чем общения с лордами. Старый приятель прославился храбростью и доблестью, он никогда не отступил бы от правого дела. Цогвар был готов положить жизнь, если бы это потребовалось для выполнения долга. С таким человеком Торджу было приятно иметь дело. В отличие от знати, среди которой как минимум половина пожелает оказать сопротивление или под благовидным предлогом, вроде больных родственников или внезапных родов жены, сестры, а может, и любимой собаки, попытается удалиться к себе, чтобы переждать первую волну гнева регента.

Да, Тордж ждал многого, он думал, что готов к чему угодно, к любым проблемам, ко множеству испытаний, но только не к тому, что встретило его на самом деле.

Разведка доложила, что один из главных зачинщиков сражений, Раял Глейгрим, прямым ходом направляется к Кеирнхеллу. Туда же спешило войско северян под предводительством единственного выжившего лорда-наследника Династии Холдбист. Поскольку Бладсворды и Флеймы прочно обосновались в крепости, расположенной в удачном месте, у мостов, и являющейся в том числе и исторической ценностью, этакой памятью о предках для обоих соседей, выбор места встречи показался сиру логичным. Казалось, ничто в этой ситуации не сумеет его удивить, однако Тордж ошибался. Обыкновенные доклады разведчиков омрачались единственным заявлением – каждый из них клялся, что видел полчища мертвецов, марширующих под предводительством Глейгрима к месту сражения. В один момент растерявшие разум десятки людей – не повод ли обвинить в гневливости Бога Мучений? И такая напасть в столь решающий час!

Любой на месте главнокомандующего, скорее всего, отправил бы глупцов к лекарю, а то и вовсе не стал обращать внимания на подобные высказывания – мало ли что и кому могло привидеться, особенно накануне предстоящего сражения. Битва могла закончиться плачевно для людей короля, для всех противоборствующих сторон, и опасения некоторых могли бы привести к весьма странным видениям. А может, на разум повлияли слухи и постоянные завывания ветров.

Тордж не зря прослыл верным подданным и был хорошим другом Фореста, он выделялся среди своих братьев. Давно приученный доверять только самому себе и правителям, рыцарь тем не менее не мог проигнорировать слова пары десятков человек.

Сир внимательно выслушал каждого явившегося, расспросил всех разом и по отдельности, а после, оставив на одного из приятелей из Серого Ордена командование, отправился вме-

сте с разведчиками. Быть может, у лорда Глейгрима имелась удивительная армия, быть может, его людей успели вышколить и научили передвигаться особым образом, а может, Раял желал воздействовать на недругов страхом и нашёл, во что облачить воинов для данной цели, – всему можно отыскать объяснение. Стоит лишь задаться целью. И проще всего это делать, увидев происходящее собственными глазами.

– Это невозможно! Быть может, эти земли источают что-то, что лишает ума? – Настроенный опровергнуть глупые слухи рыцарь не сдержал своего удивления, когда сам столкнулся с невероятным.

Слова разведчиков подтвердились, и с высокого холма друг регента наблюдал, как мимо продвигается армия хозяина Этернитифелла, окружённая со всех сторон таким кольцом из мертвецов. Та часть, что была в доспехах и шлемах, походила на разномастное войско, не очень сплочённое, если не сказать грубее. Некоторые из толпы подволакивали ногу или держали оружие под странным углом, но не более. Но те, что шли по краям, даже с такого расстояния не походили на обычных живых людей. Дети и старики, взрослые женщины и мужчины – у некоторых отсутствовали конечности, у кого-то зияли дыры в теле, явно смертельные, а у кого-то была пробита голова. Так знатно, что можно было разглядеть обломки костей. Те, что проходили в непосредственной близости, настолько, что рыцарь мог бросить камень прямо на макушки идущих, не имели одного или обоих глаз, зубов, носа, другие же являлись не очень счастливыми обладателями перерезанного горла. У мужчины, прошедшего во втором ряду, как заметил сир, не хватало целых кусков плоти – вероятно, его обглодали дикие звери.

– Быть может, это живые? – уцепился за последнюю ниточку рыцарь из Серого Ордена. – Немного раненные, но ведь порой ранения лишь добавляют свирепости и подогревают!

Он и сам понимал, что несёт чушь, но изо всех сил хватался за любое объяснение. Его разум требовал найти что-то, какую-нибудь опору, то, что позволит не сыскать себе после репутации умалишённого.

– С такими, и особенно вот с такими, травмами не живут, сир. И тем более не ходят! – Молодой светловолосый гонец с выпученными, как у рыбы, глазами дёрнул поводья. Быть может, ему показалось, что мертвецы двинулись к нему и он занервничал, но на деле прислужники Глейгрима даже не обращали внимания на стоящий отряд. Люди же были настолько обескуражены, что и не подумали скрываться.

– Сир, сколь бы ни говорили про людей, что, подобно чёрным быкам, лишь звереют, когда их ранят, но я не верю, что с перерезанным горлом подобное возможно. А с оторванной челюстью? А с торчащими костями? Вы поглядите, на того мужчину – словно свалился огромный валун! Я поклянусь на каждом из алтарей всех Тринадцати Богов, что и отсюда вижу его треснувшие кости! Они выпирают из его щёк, и, мне кажется, у края торчит зуб... Нет, сир, такие не могут ходить! – вмешался другой член отряда, невысокий мужчина с открытым и добрым лицом, прославивший славным воином и любителем выпить. Тордж уже несколько раз брал его с собой в военные походы.

– Да. Да, пожалуй, но... Но как это возможно? Выходит, те слухи правдивы. Не могу поверить. Ох, не представляю каким образом, но мы должны сообщить об этом регенту. Незамедлительно сообщить! Мне потребуется ваше подтверждение. – Сомнение и страх пуще прежнего проявились на лицах воинов. Тордж бы посмеялся, что регент пугает воителей больше, чем Проклятый король, если бы волнение от происходившего не забирало все его силы. – Я скажу, где и что следует подписать. Надеюсь, воребы в порядке и ученик птичника справляется с ними. Возвращаемся в лагерь.

Королевский рыцарь попросил разведчиков не рассказывать о необычных солдатах Глейгрима серому войску, и сам не распространялся. Долгие часы, сложно сказать сколько именно, он думал, как сообщить Клейсу, страдал над каждой строкой, писал одно письмо, бросал в костёр и брался за следующее. Каждое новое, как ему казалось, звучало ещё более глупо и натя-

нуто, чем предыдущее. Строки походили скорее на издевательство или неудачные попытки подшутить.

Наконец, Тордж решился и написал всё как есть, не вдаваясь в подробности и ограничившись парой необходимых форм вежливости. В конце концов, Форест давно его знает и не должен счесть болваном и чрезмерно впечатлительным стариком, засидевшимся в замке до похода.

Армия Его Величества последовала в ту же сторону, что и Глейгрим, однако с небольшим опозданием и несколько иным путём. Всего через сутки, когда Тордж уже почти успокоился и пришёл в себя, его предупредили о небольшом войске, насчитывающем не более трёх сотен человек, во главе которого признали кого-то из Флеймов. Не по лицу или имени, а по одежаниям и характеру.

Рыцарь, что уже жалел о доверенной ему великой миссии, скрипя зубами и ругая регента и всех лордов, которым не жилось спокойно, вновь отделился от группы с тремя отрядами по полторы сотни конных бойцов в каждом и отправился в указанном направлении. Он полагал встретить лорда Зейира или младшего из сыновей Дарона, но никак не наследника.

Верд Флейм являлся почти на каждый праздник, особенно ему полюбился Санфелл с его разнообразием лавок и борделей. Вёл себя сын Дарона настолько вызывающе, что прекрасно запоминался всем присутствующим. Немного кривой, в профиль слегка крючковатый большой нос, крупные глаза, живой здоровый румянец и, казалось, вечно напыщенный вид... Характерные для Флеймов черты внешности, немного разбавленные наследием матери, гербы на доспехах и плащах верных и славных воинов, что служили Великой Династии, и, конечно же, яркие оранжевые одеяния, что почти светились в пасмурный день, подтвердили догадку Торджа.

Войско не пыталось бежать, а лорд, напротив, повернул свою маленькую армию навстречу королевским солдатам.

– Доброго вам... – начал своё приветствие рыцарь, но лорд перебил его:

– Армии уже сражались? Кто победил? Лорд Раял жив? А мой дядя был там? А почему вас так мало? Регент что, не понял моих слов и прислал жалкие две сотни воинов, да пару рыцарей?

– Милорд Верд Флейм, Его Высочество если и получал от вас какие-то пожелания, то меня об этом не уведомлял. Перед вами почти пять сотен воинов, – ровно и медленно, словно маленькому ребёнку пояснил сир. – Но это лишь малая часть армии Его Величества – многие тысячи, в том числе и рыцарей, ожидают приказа. Ни о каких битвах, недавних, разумеется, вести до нас не долетали. Что же касается здоровья милорда Раяла Глейгрима – он направлялся к Кеирнхеллу чуть более суток назад, и я имел удовольствие лицезреть его в здравии. Касательно вашего дяди Зейира Флейма, сие мне неизвестно. Но по какой причине вы здесь?

– Как это по какой? Чтобы остановить сражение, разумеется!

Лорд в оранжевых одеяниях скривился, да так, словно Тордж сказал глупость, сухую чепуху, а правда известна даже пятилетнему.

– Прошу простить меня, но... Остановить? Вы сказали «остановить»?

– Да. А для чего ещё мне нестись сюда, забывая про достойную еду и долгий сон, будто за мной гонятся враги верхом на злобных псинах, жаждущих меня сожрать? – Кто именно должен желать отведать плоти лорда, собаки или люди, тот не уточнил. – Да, чуть не забыл: а вы не видели, среди людей Раяла были мёртвые?

Позади рыцаря начались тихие перешёптывания и смешки. Тордж кашлянул, чтобы скрыть своё продолжительное неловкое молчание. Наследник Дарона говорил буднично, обыденно, как о само собой разумеющемся.

Быть может, в мире и правда что-то произошло, а королевский рыцарь и не заметил? Пока они с регентом сидели в столице, в остальной части Ферстленда успели проснуться и

стать явью все легенды? Мир вернулся в прошлое или, напротив, шагнул в будущее, а их с Его Высочеством и не предупредили?

– Да... – протянул сир.

– Превосходно! Я знал, что он справится и слухи не врут! А много?

– Насколько я мог увидеть, не менее семи сотен.

– Ого. – В голосе Флейма слышалось восхищение. – Я не ожидал подобного размаха, к тому же за столь непродолжительный срок. Обязательно выскажу Раялу своё почтение. Итак, сир... Вы ведь сир?

– Сир Тордж Проницательный, королевский рыцарь из Серого Ордена, – представился мужчина и склонился в поклоне. Он уже имел удовольствие представляться Верду как минимум дважды, но наследник, похоже, позабыл.

– Хорошо. Сир Тордж, мой долг – остановить дядю и не позволить этой войне продолжаться, и вы должны мне помочь! Да, и раз вам не сообщили или мои послания не дошли до Его Высочества, я вынужден сообщить вам – наша с лордом Раялом вражда с самого начала была подстроена. Кто-то похитил Рорри Дримленса, совершал набеги и напал на леди Глейгрим. Этот некто воспользовался нашими давними склоками и плохими взаимоотношениями между родами и играл на этом. Какой-то хитрый и беспринципный урод просчитал нас. А теперь, когда мы всё выяснили, – поспешим!

– Постойте! Прошу прощения, милорд Флейм, но... – Тордж то и дело оглядывался и смотрел по сторонам, ища поддержки. Его приятели из разных орденов пребывали в схожем состоянии и не понимали, что происходит. – Откуда вы это узнали?

– Пока я находился в плену, мы с милордом Раялом успели много обсудить, и оказалось, что мы обвиняли друг друга в том, чего не совершали.

– Я могу поинтересоваться, как вы смогли сбежать? Или вас выкупили и...

– Да нет же! Никто меня не выкупал. Меня отпустил Раял и выдал мне сопровождение до Файрфорта.

– Вас отпустили без выкупа?! Вы подписали какие-то соглашения?

– Ничего я не подписывал, и да, без выкупа. И почему все этому удивляются? Я не понимаю – вы не верите в благоразумие и достоинства лорда Раяла или считаете меня недостойным освобождения?

На столь провокационный вопрос Проницательный сир предпочёл не отвечать.

Флейм с пару минут посверлил его взглядом, а после легко переключился на другую тему.

– Итак, когда вы собираетесь вмешиваться?

– Мне отдали приказ, что в случае, если лорды продолжат вооружённый конфликт, я обязан остановить его и проводить лордов к Его Величеству и Его Высочеству для дальнейшего разбирательства.

Верд продолжал смотреть на рыцаря выжидающе, и сир Тордж решил пояснить:

– Мы не станем вмешиваться, если будет заключено перемирие или милорды предпочтут продемонстрировать свои силы, выбрав какие-либо методы запугивания, поединки один на один или иные похожие способы урегулирования. Однако незамедлительно вмешаемся, как только сражение начнётся.

– Я понял-понял. Мне важно другое. Сир, в какой стороне Кеирнхелл?

Друг регента бесшумно выдохнул – неужто Флейм отправился спасать свои и соседские земли, но при этом даже не знает, куда именно ему направляться? И как он сумел добраться сюда с такими познаниями?

Ох, лордов давно пора отдавать на обучение к рыцарям, хотя бы на пару-тройку лет, заставить пожить в шатрах, помокнуть под дождём, отправиться в походы, изучить дисциплины, а не только спать на перине и набивать животы. Судя по выступающему и облепленному жёлтым материалом пузу Верда и его мясистым рукам, последнее Флейму особенно близко. Глядишь,

заставь знать развиваться и лиши хоть на время привилегий, это повыбивало бы дурь из юнцов, что жаждут отправлять на смерть своих подданных.

– Быть может, нам проводить вас? – улыбнулся Тордж. – Раз уж наши цели весьма схожи, мы можем быть полезны друг другу.

– Пожалуй, – согласился Верд. – Я не против компании, но только если мы поторопимся.

Рыцарь отправил половину своего отряда обратно, предупредить остальных, сообщить о будущем месторасположении, а с оставшимися и людьми Флейма двинулся дальше.

Два утомительных дня Тордж провёл в компании Флейма близ Кеирнхелла. Лорда, как и положено, старались обеспечивать всем необходимым в ожидании разрешения споров Великих Династий. Люди попеременно дежурили на возвышенности, чтобы сообщить об изменении ситуации, если таковая будет иметь место. Подданный Ауруна Старская узнал, что то ли Флейм, то ли Бладсворд зачем-то отрядил людей выливать масло на землю и рисовать странные круги и прямоугольники. Они извели на это с полсотни бочек, что было глупо – даже если поджечь фигуры, несколько полос огня затоптали бы первые же ряды пехоты и тем более конницы, даже не понеся особого вреда. Быть может, это совершалось ради некоего акта устрашения? Или ради какого-то обряда?

Поразмыслить не хватало времени, главнокомандующий был вынужден развлекать разговорами Верда, которого слишком уж взволновали маслянистые круги, и думать, как прокормить лишние рты. К счастью, лорд сразу же согласился явиться к регенту на переговоры – хотя бы один предстанет перед Клейсом Форестом, что бы ни произошло. Для защиты добровольца Проницательный сир отрядил две сотни рыцарей из Серого Братства.

Когда, наконец, время настало и Тордж собирался понаблюдать за переговорами с холма, отобрав для этого несколько сотен сопровождающих, чтобы, в случае необходимости, сразу же вмешаться, Верд Флейм увязался за ним.

Поначалу ничто не предвещало беды – мёртвые по-прежнему пугали, рыцарь не понимал, можно ли верить собственным глазам, а удивлённые перешёптывания и разговоры за спиной только ещё более убеждали сира в действительности происходящего. Войска ожидали окончания переписки между врагами – от армии Глейгрима уж более получаса назад отделился гонец, вероятно, чтобы предложить условия перемирия, если верить словам сына Дарона.

– Смотрите, сир, а вот и Зейир! А вы не можете убить его сразу же?

Верд в очередной раз выбил Проницательного сира из душевного равновесия одним простым вопросом.

– Милорд, это ведь ваш дядя!

– К сожалению, да. Так вы можете?

– Мне не велено убивать лордов, милорд Флейм, лишь сопровождать их.

– Да? Очень жаль. Он всё равно не пойдёт к регенту и королю. И явно задумал пакость, раз не побоялся показаться на поле боя, да ещё и за стену не убежал. Может быть, ваши лучники достаточно хорошо стреляют?

– Не на такие расстояния, – остудил пыл взбалмошного наследника Тордж. – Надеюсь, переговоры закончатся миром.

– С Зейиром-то? Разумеется, – хмыкнул Верд и, наконец, замолчал.

А далее началось самое странное – гонцу Глейгрима отрубили голову, и Флейм отправил своего человека отнести послание. Вынести подобного оскорбления и откровенного вызова хозяин Этернитифелла не сумел. Армии начали сближаться, загорелись масляные рисунки, пламя от которых вдруг, не повинаясь никакой логике и здравому смыслу, начало жить своей жизнью. Оно разгоралось, разделялось на части, напоминающие более всего хвосты плетей, и без какого-либо ветра изгибалось так, чтобы добраться до подданных Раяла Глейгрима.

Зейир Флейм кричал и махал руками, народ выкрикивал девиз его рода, и в это время другая сторона кричала про Проклятого короля и стучала о щиты копьями, мечами и топорами,

восславляя своего правителя. Тот, надо отдать должное, и впрямь был разодет подобно своему древнему предку, с венцом на голове и на прекрасном, так же разукрашенном жеребце.

Происходящее более всего походило на сражения, которые описывались в летописях и случались семью или восемью столетиями ранее, ещё до начала Эпохи Королей, во времена Альянсов. Если верить писарям и знатым особам тех лет, что нередко самостоятельно увековечивали свои победы и проигрыши соседей – последнее встречалось не менее редко, – можно было прийти к выводу, что в те времена наследие Первых, дары, пробуждавшиеся во всех представителях Великих родов и даже Ветвей, способствовали тому, что войны были куда опаснее, красочнее и кровопролитнее. Именно в подобных писаниях рассказывали про потомков Проклятого короля, про мёртвых и их призыв, который Тордж Проницательный имел удовольствие или проклятие наблюдать; про подчинение огненной стихии, что также мог лицезреть рыцарь. А также про оружие, что само по себе чудесным образом сражалось и побеждало врагов, про чудовищ-северян, способных подчинить войско своей воле и наделить людей силой и бесстрашием. Вспомнить всё, что описывалось, не представлялось возможным. Благо, большая часть пока не имела доказательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.